

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Эшадот
забвения

Ева

Виктория Платова
Эшафот забвения

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

Эшафот забвения / В. Е. Платова — «Эксмо», 2018 — (Ева)

ISBN 978-5-04-090607-9

Ассистент по работе с актерами у знаменитого режиссера — о таком повороте судьбы можно только мечтать! Для Евы жизнь начинается заново. Но... Оказывается, что и в кино убивают: одна за другой при загадочных обстоятельствах гибнут исполнительницы главной роли. Эти убийства объединяет одно — полное отсутствие мотива преступления. Все возможные версии выглядят неубедительными и позволяют подозревать каждого в съемочной группе. Разгадка приходит неожиданно и... слишком поздно. И тогда Еве приходится вступить в борьбу за собственную жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090607-9

© Платова В. Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктория Платова

Эшафот забвения

Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми случайно.

Автор

Часть первая

...Сегодня девятнадцатое января.

Единственная дата, за достоверность которой я могу ручаться, сидя на цепи в этом страшном, давно умершем доме.

Я и сама давно умерла.

Я умерла так же, как и его хозяйка. В долгие часы одиночества я вяло думаю о том, что сделали с ее телом, как избавились от него: должно быть, здесь есть множество укромных уголков, которые могут послужить последним пристанищем, фамильным склепом, надгробной плитой. Запущенный маленький сад, подвал, второй этаж, любая из обшитых деревом панелей, каморка под лестницей.

Если бы мне пришлось выбирать – я бы выбрала сад.

Каждый день я говорю себе, что должна сообщить о своей последней воле своему нежному палачу, но все время забываю это сделать. Зато хорошо помню, что предшествовало моему появлению здесь. Моему роковому приходу сюда. Если бы я знала, что все закончится тихим помешательством, тихим ожиданием смерти, если бы я только знала!.. Если бы я знала, что вся эта цепь смертей приведет меня к еще одной цепи, самой настоящей, с запаянными металлическими звеньями, которые я пересчитала во второй день моего пребывания здесь, – их ровно пятьдесят два, как недель в году. По каждому из этих звеньев можно составить хронологию последнего года моей жизни. В его первой трети я жила совсем под другим именем и от этого имени уже совершила несколько преступлений. Потом, когда ко мне вернулась память, я с ужасом отказалась от него, я бежала от него, я не захотела быть орудием в руках капитана Кости Лапицкого, моего иезуита-куратора из спецслужб. Я вернулась к слепому, прикованному к инвалидному креслу художнику Сергею Каньгину, единственному, кто мог принять меня, не задавая лишних вопросов. Единственному, кто вообще мог принять меня. И каждый день ждала возмездия. Но оно так и не пришло.

Тогда.

Последующие несколько месяцев я работала в видеопрокате днем и оглушала себя фенобарбиталом ночами. Я почти полностью поседела, хотя мне нет еще и тридцати, я забросила свое собственное лицо, бывшее когда-то таким привлекательным... Теперь, каждый день ожидая конца, я даже не думаю о нем, я не вспоминаю его... Я вспоминаю лишь октябрь, месяц, когда начался весь этот кошмар, – середину октября, тридцать восьмое звено в стальной цепи, на которой я сижу.

Тогда я открыла дверь, протиснулась в нашу узкую прихожую и...

* * *

...Я открыла дверь, протиснулась в нашу узкую прихожую и, как всегда, постояла несколько секунд, упершись лбом в плакат «Советское реалистическое искусство 30 – 50-х годов». Привет, привет, «Будущие летчики» с торжеством детских упругих задниц, вам хорошо

живется в конце тридцатых, и ваше море навсегда останется синим. Синим, несмотря на то, что плакат с «Будущими летчиками» Дейнеки пожелтел и загнулся по краям. Серьга купил его в Центральном Доме художника много лет назад. Ему всегда нравился безыскусный фотографический реализм, зеркальное отражение его ясных представлений о мире. С некоторых пор я тоже стала частью его мира, сумрачной сестрой милосердия при парализованном слепом художнике. Нужно отдать Серьге должное; он никогда не теряет присутствия духа – даже тогда, когда я брею его (раз в неделю, не чаще, его куцая китайская борода просто не успевает вырасти). Даже тогда, когда я, как ребенка, купаю его в ванне (два раза в месяц, не чаще, он ненавидит эти дни – второй и четвертый понедельник). Он не потерял присутствия духа и тогда, когда я рассказала ему обо всем, что произошло со мной, спрятавшись за двумя бутылками водки, как за шторкой в исповедальне. Только в одном я не смогла ему признаться – в смерти Алены Гончаровой, единственной женщины, которую он по-настоящему любил: это было бы слишком для его невидящих глаз и омертвевшего тела. В конце сентября мы даже отметили день ее рождения: бутылка шампанского при свечах (тех самых, немецких, украденных мной в супермаркете), – испытание не для слабонервных, сплошное настоящее время, я избегаю говорить об умерших в прошедшем, разве что только о себе...

– Это ты, Ева? – крикнул Серьга из кухни. Обычный привкус страха в голосе – он все еще боится, что в один из дней я уйду и не вернусь. Он все еще боится этого, дурачок!

– Нет. Это покойная Роми Шнайдер, друг мой, – мрачно ответила я.

Наш ежевечерний «подкидной дурак» состоял из засаленной колоды известных актрис, у всех оттенков моего настроения были имена. Серьга сразу усвоил правила этой нехитрой игры и в зависимости от имени, которое я тыкала ему с порога в зубы, вел себя соответственно. Самым предпочтительным было «Анук Эме»: я в относительном порядке, могу подровнять затылок тупыми ножницами и даже готова почитать Серьге на ночь главу из Микки Спиллейна. Потеряв способность двигаться, Серьга пристрастился к тупоумным остросюжетным детективам, где такие же тупоумные герои рвали «кольт» с портупеи и, прежде чем пустить пулю в голову несчастному наркодилеру, разражались плоскими сентенциями о дьяволе и десяти заповедях. Сегодня Микки Спиллейна не будет, «покойная Роми Шнайдер» не оставила Серьге никаких шансов на волнующий библиотечный вечер. «Покойная Роми Шнайдер» – крайняя степень моего недовольства жизнью: накануне я выжрала две последние таблетки феноталала, и теперь мне придется провести несколько кошмарных бессонных ночей, прежде чем Серьге выпишут очередную дозу снотворного (я беззастенчиво пользовалась его рецептами, сам Серьга любому успокоительному предпочитал стакан марийского самогона).

– Роми Шнайдер плохо кончила, – трусливо отозвался Серьга из-за кухонной двери. – И вообще, у нас гости.

Гости посещали нас крайне редко. За три месяца всего лишь несколько человек, включая патронажную сестру, за которой неугомонный Серьга пытался приударить. Одни и те же лица сильно пьющих художников-неудачников, снимающих углы у старух, одна и та же водка, одни и те же макароны по-флотски, визитная карточка нашего бедного дома. После набегов каныгинских товарищей по кисти обычно пропадали носильные вещи или посуда – в зависимости от пристрастий гостей и их материального положения. Только один человек выпал из этой вероломной обоймы – кроткий режиссер-документалист Гоша Полтораки: он не стянул ничего, но оставил после себя тягостное ощущение близкого конца.

– Типичный неврастеник, – резюмировал Серьга после его тихого ухода, похожего на исход, – суицидник-психопат, внучатый племянник намыленной веревки. Я его от смертоубийства с прошлой Пасхи уговариваю.

Больше Гоша в нашем доме не появлялся: должно быть, покончил с собой в канун какого-нибудь православного праздника...

...Парня же, который теперь сидел на кухне, я видела в первый раз.

– Знакомься, Ева. Это Федя Бубякин, друг покойного Вольдемара, – светски представил нас друг другу Серьга.

Друг покойного Вольдемара, Володьки Туманова, в свое время повесившегося на струне от карниза не без моего участия. Прошлое все-таки решило добить меня. Я посмотрела на Бубякина с откровенной неприязнью.

– Приятель. Только приятель, – выгнув губы, поправил Федя, порочно-красивый молодой человек, типичный дамский угодник со склонностью к мелкой тирании. Понять это было несложно, стоило только взглянуть на его физиономию. Именно такого опытного образца не доставало нам в нашей однокомнатной кунсткамере.

– А это Ева. Я тебе о ней говорил. Ева – мой ангел-хранитель.

– Похожа, – процедил Бубякин, неприязнь была обоюдной, я это видела.

– Не вздумай к ней клинья подбивать, – предупредил честный Серьга, – удавлю.

Бубякин хмыкнул: никому и в голову не могло прийти подбивать ко мне клинья – седая, плохо стриженная голова, общий абрис хозяйки приюта для бездомных животных, у таких женщин не бывает шансов.

– Не волнуйся, Серж, постараюсь держать себя в руках, – сказал он, вложив в реплику всю иронию, на которую был способен.

– Давно заседаете? – хмуро бросила я только для того, чтобы что-то сказать: судя по нескольким бутылкам водки и засохшим кускам колбасного сыра, скромное застолье продолжалось несколько часов.

– Выпей с нами, – попросил Серьга.

– Точно, – оживился гость, – едет чижик в лодочке, давайте выпьем водочки!

Вняв призыву, я вытащила из мойки граненый стакан, в полном молчании налила его до краев и выпила, даже не поморщившись. Ну, что скажешь, Федор Бубякин, друг покойного Вольдемара?

– За знакомство, – произнесла я и утерла губы.

Бубякин крикнул, как будто водку выпила не я, а он сам, неприязнь в его глазах сменилась чем-то отдаленно похожим на восхищение: черт возьми, я все еще могу поражать людей. Пусть даже и таким экстравагантным способом.

Не давая ему опомниться, я снова разлила водку – теперь уже на троих – и смело чокнулась с Серьгой и Бубякиным.

– Чему обязаны визитом? – Длинный список украденного нехитрого скарба не давал мне расслабиться, за такими гостями нужен глаз да глаз.

– Федька на «Мосфильме» работает, ассистентом художника. Он несколько моих старых работ просит, им для съемок нужно, – радостно сообщил Серьга, – напрокат.

– Каких именно? – подозрительно спросила я.

– Ну, ты их знаешь, – в голосе Серьги послышались нотки беспокойства, – «Шекспир на сборе хвороста», «Шуты и кардиналы»... Ну, и еще пара вещей. А што?

«Шекспир на сборе хвороста», надо же, только этого не хватало! Стилизованный, написанный в отвязной каныгинской манере, Шекспир с маленькой собакой у маленьких, измученных плоскостопием ног несколько раз спасал меня от самоубийства. Лишиться этой картины вот так, за здорово живешь, я просто не могла.

– Да нет, ничего. – Я откинулась на спинку стула и пристально посмотрела на Бубякина, сохранявшего непроницаемый вид. – Только это очень дорогие картины. Я бы на твоём месте, Серьга, хорошенько подумала, прежде чем отдавать их в сомнительные руки. Можем навсегда с ними проститься.

– На что это вы намекаете, миледи? – запоздало оскорбился Бубякин. Очень мило, еще одно обращение, не забыть бы занести его на последнюю страницу видеопрокатной тетради...

– Я не намекаю. Я говорю открытым текстом, – поправила я. – Как хочешь, Серьга, а картины я не отдам. Ты хорошо знаешь этого типа?

– Я попросил бы вас...

– А ты заткнись! – Я оборвала Бубякина, решив до конца отстоять свой шкурный интерес. – Ты хорошо знаешь его, Серьга?

– Ева, ты што?! Федька классный мужик, мы с ним не один литр самогонщика приговорили, – вдохновенно соврал Серьга.

– Ага-ага, из тех людишек, которые под этот самый самогонщик скупали у тебя картины за бесценок. – Покойная Роми Шнайдер крепко держала в руках вожжи моего плохого настроения.

– Да ладно тебе, – Серьга нащупал мои пальцы и примирительно сжал их, – скажешь тоже, за бесценок. Я ведь не алеут какой-нибудь, которому консервную банку за пушнину всучили. Не надо меня на ноль множить.

– А почему тебе нужны именно эти картины? – спросила я Бубякина. – Нельзя было обойтись экзерсисами дипломника ВГИКа? Или «Черным квадратом» Малевича, на худой конец? Для заднего плана любое цветное пятно сгодится...

– Я смотрю, твой ангел-хранитель подрабатывает кандидатом искусствоведения! При чем здесь пятно, миледи? Важно не пятно, важна концепция. Важна живописная деталь, которая играет на общий замысел, – снисходительно пояснил Федя.

– Ты, случайно, не у Гринуэя в съемочной группе подвизаешься? – высказала предположение я, мобилизовав весь свой полузабытый киношный опыт. – Это только он Северным Возрождением честному обывателю мозги парит. И цитатами из Лукаса Кранаха Старшего.

– Повышаю тебя до докторов искусствоведения, – Федя наконец-то освоился с моим ерническим тоном и вернул подачу, – а раз так, то тебе должно быть известно имя Анджея Братны.

– Это еще кто такой? – Я слукавила, конечно же, я слукавила. Я знала это имя.

...Несколько недель назад вместе со Спиллейном для Серьги я купила последний номер «Искусства кино» для себя. Просто так, польстившись на превосходную полиграфию, а еще больше – на лицо с обложки.

Лицо Анджея Братны.

«Последний император» Большого стиля», – гласила самоуверенная, тисненная золотом надпись. Блудливые киноведы из редакции журнала, обычно склонные к апокалиптическим преувеличениям, на этот раз попали в самое яблочко. У Анджея Братны действительно было неувлимо породистое лицо члена королевской фамилии: сухие, почти аскетичные черты, чистая линия скул, мощный лоб и чуждые страстям глаза. Только ноздри выдавали его – слишком совершенные, чтобы быть непорочными. Лицо затягивало, как затягивает хорошая картина, и, помнится, я тогда почему-то подумала, что «Портрет Дориана Грея» мог быть вполне написан о нем...

Весь номер был посвящен его неожиданному триумфу на Каннском фестивале: Братны привез туда свою дебютную картину «Танцующие тени», снятую и смонтированную за гроши на умирающем «Мосфильме». Кинематографическая сага о России конца девяностых потрясла фестиваль, забывший на время о кулуарных дрызгах, и Братны собрал урожай призов, самым невинным из которых была «Золотая пальмовая ветвь». Потом последовало еще несколько кинофорумов, калибром помельче. Ему предложили постановку на одной из крупных студий Голливуда (по агентурным сведениям, Братны заинтересовалась «Коламбия пикчерз») – фантастический шанс для новичка в большом кино. Но Братны неожиданно отказался. «Наплевать мне на вашу Америку, – самоуверенно заявил он на одной из своих пресс-конференций (очевидцы утверждали, что в оригинале был использован более крепкий глагол, предусмотрительно смягченный при переводе). – По-настоящему можно работать только в России».

Это был очень странный тезис, если учесть происхождение Братны. Его дед, солдат Армии Крайовой, не принявший послевоенные польские порядки, отмотал срок в сталинских лагерях, но в Польшу вернуться так и не сумел. Еще в лагере он познакомился с русской девушкой, от их брака родился сын, отец Анджея. После пятидесят третьего семья почему-то осталась в Сибири, здесь же, в маленьком поселке у горно-обогатительного комбината, родился сам Анджей. Он довольно забавно рассказывал интервьюерам пеструю историю своей тридцатилетней жизни (в следующем году ему должно было исполниться тридцать). Особое место в этих рассказах занимал Киев – в свое время Анджей успел поучиться на кинофакультете местного театрального института, из которого был с треском вышвырнут за профнепригодность. Больше он не искушал своим присутствием солидные киношколы. «Научить кино невозможно, все, что нужно знать о нем, умещается в двух монтажных стыках раннего Годара», – проповедовал Братны со страниц номера, посвященного ему. Врезать бы тебе по морде за такие слова, шляхта недобитая, случайный прихвостень славы, сладко думала я, почитывая журналчик в своем видеопрокате, врезать бы тебе по морде, так ты похож на моего Ивана, боже мой...

Он действительно был похож на Ивана, забравшего с собой душу несчастной сценаристки Мыши, я так и чувствовала интонации своего божества во всех наглых репликах Братны. И почти безумная мысль родилась во мне, чтобы тотчас же умереть: Иван погиб только потому, что где-то уже существовал сучий потрох Братны, вдвоем им невозможно было ужиться на тесной земле...

С кем только не сравнивали Братны – и с ранним Кустурицей, и с поздним Тео Ангелопулосом, и со всеми «английскими рассерженными» и «американскими независимыми», вместе взятыми. Если добавить сюда Бертолуччи и Висконти периода «Туманных звезд Большой Медведицы» – картинка получалась еще та. Слава богу, что хотя бы Феллини не попал в этот длинный список (я втайне порадовалась за старика), не дотягиваешь, гад, то-то же, знай наших!..

Все эти сравнения с классиками кино были взаимоисключающими. Да и сам Братны вызывал, видимо, взаимоисключающие чувства, хотя чаще всего раздражал. Это раздражение, материализованное в журнальных строках, я с радостью поддержала. Кто тебе только деньги дает на твои тошнотворные эпопеи, парнишка? Впрочем, понятно кто: восторженные иностранцы, способные возбудиться от одного только вида художественно не мытого русского тела, распростертого под пальмовой ветвью Каннского фестиваля. А ведь Иван тоже мечтал об этой пальме, он даже обещал ее мне... А теперь этот самоуверенный польский квартал стрижет купоны и поучает профессионалов, как нужно делать кино! Дочитав журнал до конца, я торжественно выбросила его в мусорное ведро, предварительно заляпав лицо баловня судьбы Анджея Братны кетчупом.

И постаралась забыть о нем.

И забыла.

– ...Значит, про Анджея Братны ты ничего не знаешь? – Федя не смог скрыть своего разочарования. Я оказалась не только старой дурой, но и необразованной старой дурой.

– Понятия не имею.

– Есть такой мощный режиссер, – пришел мне на выручку Серьга, – пальму отхватил на последних Каннах...

Далась им эта пальма. Да и Серьга ни разу не был уличен мной в излишней любви к большому кинематографу. Видимо, засланный казачок Федор Бубякин обработал его на славу.

– По идее, если исходить из гунявой фестивальной политики, ее, родимую, должны были кому-нибудь из Гонконга всучить, это сейчас модно в Европе. А вот, поди ж ты, против таланта не попрешь, – сказал Бубякин с таким чувством, как будто сам дефилировал по набережной Круазетт, – теперь вот новый шедевр снимаем.

– Федька у Братны как раз работает на картине, – снова вылез Серьга.

– Именно, – подтвердил Бубякин, это прозвучало как «на-кась, выкуси!». – Так что вы, миледи, должны замереть в почтительном реверансе. И не мешаться под ногами мирового кинематографа. Так я забираю картины, Серьга?

– Нет, – решительно сказала я, а потом добавила то, чего сама от себя не ожидала: – Сейчас ты их не заберешь. Я сама их привезу, под расписку...

– Ну, што такое, Ева, – вяло сопротивлялся Серьга, – свои же люди.

– Свои по домам сидят в столь поздний час, – отрезала я. – Только под расписку. Или так, или никак. Знаю я ваш киношный бордель.

– Ладно, – вдруг легко согласился Бубякин. – Черт с тобой, ангел-хранитель. Когда привезешь?

– В ближайший понедельник. – Неужели мне так сильно хочется увидеть этого доморощенного Моцарта экрана? Иван бы не простил, он был закоренелым собственником.

– Значит, послезавтра. Встречаемся в восемь утра у метро «Киевская». Смотри не просп. Мэтр терпеть не может, когда опаздывают.

– Что ты, голубчик. На свидание к богу не бывает опозданий, – кисло сыронизировала я. – А теперь позвольте закрыть общее собрание работников артели.

Не говоря ни слова, Бубякин поднялся, пожал руку Серьге и направился к двери. Я вышла в коридор проводить его. Скрестив руки на груди, я пристально наблюдала, как Бубякин шнурует ботинки и застегивает под горло модный плащ. Позади меня заскрипели колеса кресла – это Серьга выкатился в коридор под предлогом дружеского прощания. На самом деле он банально выпасал свою супермодель-надомницу: нет никаких гарантий, что я не сбегу с первыми попавшимися яйцами от слепого инвалида... Неповоротливое кресло предательски подбило меня под колени.

– Значит, послезавтра в восемь на «Киевской», – еще раз уточнил Бубякин, наблюдая, как я с помощью нехитрых акробатических трюков пытаюсь сохранить равновесие.

– Я помню.

– Приятно было познакомиться, – с трудом выдавил из себя Федор, хотя весь его вид говорил об обратном.

– Взаимно.

Я закрыла за Бубякиным дверь и повернулась к Серьге:

– Ты давно его знаешь?

– Совсем не знаю. Видел несколько раз с Володькой Тумановым.

– Он художник?

– Да нет... Вообще-то он компьютерщик. Профессиональный хакер. В прошлом году, между прочим, взломал охранную систему какого-то крупного банка. Чуть в тюрьму не угодил. Этот черт его отмазал...

– Какой черт?

– Да режиссер. На которого он сейчас работает.

– Как же это ему удалось?

– Я же говорю, профессиональный хакер, компьютерный бог...

– Я не про Бубякина. Я про режиссера. Как мог какой-то там режиссер, даже широко известный в узких кругах, отмазать человека от тюрьмы?

– Э-э... – Серьга открыл было рот, чтобы объяснить, но тут же озадачился: – Не знаю... Федька говорит, что это не человек, а просто феномен какой-то. Что ему любую душу вскрыть – что Федьке файлы бухгалтерского баланса совхоза «Светлый путь». Не фиг делать.

– Господи, что за пургу ты несешь?

– За что купил – за то продаю, – обиделся Серьга и тут же уколол меня: – Ты вот ведь тоже послезавтра на «Мосфильм» лыжи востришь... Голову помыть не забудь, снобка хренова... Что, интересно на обладателя Пальмы посмотреть?

– Нет, – совершенно искренне сказала я и тут же поняла, что соврала, – просто хочу подстраховаться. Защитить наши с тобой интересы.

– Наши с тобой интересы... Знаю я твои интересы... Бросить обезноженного кота Базиллио при первом же удобном случае! Что, неправда? – заныл Серьга, страстно надеясь в душе, что я успокою его.

Вздыхнув, я взъерошила его мягкие волосы:

– Конечно, неправда. Никуда я не уйду.

– А Федька ведь красивый, собака. Он у Туманова из-под носа лучших потаскух-бессребрениц уводил.

– Может быть, он и был когда-то ничего себе, но сейчас точно в тираж вышел.

– В смысле?

– Пообносился твой хакер, – возвела я напраслину на порочного красавчика Бубякина только для того, чтобы поддержать Серьгу, – у него теперь плешь на всю голову и двух передних зубов нет. Жаль, ты не видишь.

Серьга сразу же успокоился. Он привык верить мне на слово, бедняжка.

– Ты смотри, что делает с людьми наше постылое кризисное время за такой короткий срок! Пойдем водку допьем.

Мы вернулись на кухню.

– Только знаешь, Ева, тебе ничего не светит, – злорадно сказал Серьга, когда мы накатили по первой рюмке, – ничего не светит с этим режиссером.

– О чем ты?

– Федька говорил, этот поляк – странный человек. Он терпеть не может красивых женщин, он их на дух не переносит, даже в качестве придатка к хлопушке или осветительным приборам.

Несчастный Серьга все еще пытался охранять вольтер с моей красотой, от которой не осталось и следа. Я захохотала. Я смеялась так, как не смеялась еще ни разу за последние три месяца. Торжествующий, освобожденный смех был для меня такой новой, такой сильной эмоцией, что, не справившись с ним, я даже закашлялась.

– Ты чего? – настороженно спросил Серьга, постучав по моей изнемогающей от хохота спине.

– Ничего. Водкой подавилась.

– Впервые слышу, что можно подавиться водкой.

– А я впервые слышу, что можно ненавидеть красивых женщин только потому, что они красивы. Даже закоренелые педрилы себе этого не позволяют. Даже Ницше с самого крутого похмелья не мог себе этого позволить.

– А может, он не Ницше. Может, он какой-нибудь непьющий Кафка, – резонно заметил Серьга.

Кафка, конечно же, Кафка. Я смотрела на Серьгу, маленького и беспомощного в своем инвалидном кресле, и только теперь начинала смутно понимать всю абсурдность нашего разговора: вот уже добрых пятнадцать минут мы всерьез обсуждаем парня, которого никогда не видели. Но в этом был и положительный момент, во всяком случае, для Серьги: от покойной Роми Шнайдер с ее всегдашним отвратительным настроением не осталось и следа. Бразды правления были переданы кроткой и тихой хранительнице очага Анук Эме. Именно Анук Эме, веселая вдова из «Мужчины и женщины», переквалифицировавшаяся в профессиональную чтицу, забьет остаток вечера трехсотстраничной криминулькой... Серьга, тебе крупно повезло!

– Почитать тебе что-нибудь? – спросила я Серьгу.

– Только с выражением, – закапризничал он, уже уловив перемены в моем настроении.

– Всенепременно, мальчик мой! Со всеми знаками препинания и придыханием в эротических сценах.

– Без эротических сцен, пожалуйста! Не стоит обрекать инвалида на бесплодный хреновый онанизм.

– Серьга, ты даже об этом наслышан?! Совсем взрослым стал! – Я обхватила Серьгу за шею и ткнулась губами ему в ухо. – Не обижайся на меня!

– Я не обижаюсь... Правда.

Я знала, что он говорит правду. И это была самая странная правда, которую только можно было себе представить. Вопреки всем законам бытия увечье и слепота сделали Серьгу мудрым и терпимым ко всему. Они даже шли ему, делали его неожиданно по-мужски привлекательным: вот еще один сильный человек несет свой крест. Да к тому же еще оглашает окрестности персональной Голгофы шутками по поводу несовершенства конструкции инвалидного кресла. Несчастье придало ему ту сексуальность, которой он был напрочь лишен и о которой всегда втайне мечтал. Я ни разу не высказала этих своих крамольных мыслей вслух, но была почти уверена, что рано или поздно в нашей запущенной квартире возникнет женщина. Возможно даже – дочь патронажной сестры, которая снабжает Серьгу снотворным... Черт, нужно сказать Серьге, что фенотарбитал у меня закончился...

Я остаюсь с ночными кошмарами один на один.

Но даже предчувствие близкой ночи не сумело перебить другого предчувствия. Что-то в моей стоячей, как вода в болоте, жизни должно измениться. Неужели это «что-то» связано с послезавтрашней вылазкой на «Мосфильм»? Похоже, похоже. Похоже, что дело обстоит именно так: интуиция еще никогда не подводила меня. Или я просто устала думать о смерти – других людей и своей собственной?... А если это правда, то почему бы не оттянуться напоследок?

...Когда я прочла один и тот же абзац из Микки Спиллейна дважды, Серьга недовольно поинтересовался:

– О чем ты только думаешь?

– Ни о чем. Мне некогда думать. Я внимательно слежу за развитием сюжета.

– Он тебя заинтересовал, я вижу. – Серьга хмыкнул и потер слепые глаза.

– Не то слово как заинтересовал. С нетерпением жду развязки.

– Я не о книге. Я об этом режиссере, о котором Федька рассказывал.

– Да, – нехотя призналась я, – в проницательности тебе не откажешь.

– И что ты думаешь?

– Ненавижу таких типов. С гипертрофированным чувством собственной значимости и мозгами, имплантированными от бабочки-капустницы. Их нужно ставить на место, иначе они развоят всю иммунную систему человечества.

– Ладно, ладно, успокойся, – осадил меня Серьга. – Если хочешь, закончим на сегодня.

– Нет уж, добьем хотя бы главу, – мужественно сказала я и начала многострадальный абзац в третий раз: «Белая шволочь! Ты продолжаешь шматься над полицией! Где ты взял эти што доллары?!»

* * *

...Я не опоздала ни на минуту, но Бубякин встретил меня на выходе из метро недовольной гримасой. Ему даже не пришло в голову взять у меня тяжелый планшет с картинками: «Сама вызвалась, дура чертова, сама и дотащишь». Мы загрузились в троллейбус, автономно друг от друга пробили талоны и в полном молчании добрались до «Мосфильма». Молчание не тяготило меня, наоборот, я даже почувствовала нежность к хакеру-неудачнику: когда-то студия была частью моей жизни, и теперь мне нужно подготовиться к встраще, только и всего.

...Я помнила «Мосфильм» разным: огромным, полным соблазна лабиринтом, в котором навеки затерялись сценаристка-первокурсница Мышь и ее священная корова Иван. Проехаться в одном лифте с Людмилой Гурченко (особенно когда в сумке из финского козжама лежит «Мое взрослое детство», зачитанное до дыр), удержаться от автографа и презрительно выкатить глаза – о, это было верхом самоуверенного вгиковского шика! Потом была двухгодичная стажировка, и «Мосфильм» утратил невинное обаяние храма. Постылое рабочее место, только и всего: в студийном буфете я всегда брала винегрет, а в студийном аптечном ларьке – гематоген и аскорбиновую кислоту. Стажировка закончилась под невнятный грохот – в середине девяностых киноиндустрия, а вместе с ней и «Мосфильм» развалились на куски. А после того, что произошло со мной, я была уверена, что никогда не окажусь в его стенах: прошлая жизнь отрезана навсегда.

И вот теперь я возвращаюсь. Возвращаюсь в качестве случайной посетительницы, случайной спутницы случайного человека, для которой даже не заказан пропуск. А ведь я еще застала то время, когда пройти на «Мосфильм» было труднее, чем на военную базу ракет стратегического назначения.

Никакого пропуска не понадобилось. Бубякин провел меня мимо утратившей бдительность вахтерши совершенно спокойно, небрежно ткнув ей в лицо свои собственные корочки. Толстая старая вахтерша с вековыми морщинами на лбу, помнившими, казалось, еще братьев Люмьер, даже не удосужилась взглянуть в них: много вас тут шляется, шушеры, каждому в рыло заглядывать – никакого здоровья не хватит.

– Была здесь когда-нибудь? – спросил меня Бубякин. Это была его первая фраза за сегодняшнее утро.

– Нет, – кротко ответила я и для убедительности покачала головой.

– Теперь понятно, почему ты так рвалась сама картинки передать. Решила, так сказать, увидеть воочию жертвенный алтарь кинематографа. Типичный обывательский синдром. Будешь потом об этом историческом посещении рассказывать на ночь своим засанным внукам. Вместо «Спокойной ночи, малыши». Внуки-то есть?

Бубякин невинно посмотрел на меня, а я так же невинно посмотрела на него:

– Нет.

– А пора бы. Года, чай, немолодые...

Он отрывался по полной программе, он хотел достать меня, уж очень не нравилась ему моя седина, мое лицо, вызывающе неухоженное. Я знала этот убийственный для женщин тип квелых сусликов: самка должна быть или красивой, или покончить с собой, нажравшись хозяйственных спичек.

Не говоря ни слова, я остановилась и аккуратно положила планшет с картинками на бетонные плиты дорожки, ведущей к административному корпусу. Ничего не подозревающий Бубякин сделал еще несколько шагов, когда его окликнул мой тихий властный голос:

– Подожди!

– Ну, что еще? В зобу дыхание сперло от близости искусства? Давай шевели булками, а то опоздаем.

– Повернись ко мне, пададь компьютерная!

– Чего-чего?...

Договорить он не успел. Он даже не успел сообразить, что произошло, когда оказался на бетоне с заломленной рукой и разбитым в кровь лицом. Теперь уже я отрывалась по полной программе. Отрывалась и не могла остановиться. Я метелила несчастного суслика с вполне профессиональной холодной яростью: именно так, как учил меня капитан Лапицкий. Именно так, как учил меня флегматичный инструктор Игнат. Я ничего, ничего не забыла, я Мамаем прошлась по всем болевым точкам бубякинского тела и остановилась только тогда, когда он перестал подавать признаки жизни.

– Не подох? – наконец осведомилась я, дав Бубякину несколько минут на приход в кушее сознание.

– Сука! Что же ты делаешь, сука... Я тебя... – невнятно просипел Бубякин, сплевывая кровь.

– Это за внуков, – спокойно парировала я, – никто, кроме меня, за них не заступится. А вообще учти: позволишь себе еще раз проехаться по моему адресу, даже вскользь, – раздавлю, как мокрицу.

Он неловко сел, держась за голову. Светлый длинный плащ – истеричная мечта выпускника железнодорожного техникума – был безнадежно изгажен октябрьской грязью и вызывающе-красными пятнами крови. Вся кинематографическая спесь Бубякина куда-то подевалась, он тихонько поскуливал и раскачивался из стороны в сторону. Я посмотрела на него с веселой жалостью:

– Вставай, дядя Федор, а то и вправду опоздаем.

– Я тебя упеку за членовредительство, сука!

– Ты что-то сказал? – переспросила я, угрожающе поведя носком ботинка.

– Ничего.

– То-то. А на будущее запомни – джентльменом нужно быть не только с билетершами Театра имени Вахтангова. Усек?

Левый глаз Бубякина грозился заплыть – кажется, я перегнула палку. Достав из кармана монетку в пять рублей, я протянула ее незадачливому хакеру:

– Приложи.

Он с бессильной ненавистью уставился на меня, но монетку все-таки взял. Я резко повернулась на каблуках, подняла планшет и пошла вперед не оглядываясь.

Бубякин появился у административного корпуса спустя десять минут. Я сидела на ступеньках, подложив брезентовый планшет, и спокойно курила сигарету: сама кротость, дурнушка со стажем, привыкшая к бесплодному ожиданию случайных любовников.

– Задерживаешься, – мягко пожурила я Бубякина, – все сроки вышли.

Он плюхнулся рядом со мной, с опаской скосив пострадавший глаз: он все еще не мог поверить в дикую сцену, произошедшую только что.

– Сигаретку? – как ни в чем не бывало предложила я.

– Пошла ты, – огрызнулся Бубякин, но сигарету взял.

Несколько минут мы молча курили.

– Лихо ты меня, – глядя в пространство, задумчиво сказал Бубякин, – со всеми мужиками так или есть счастливые исключения?

– Ты мне не нравишься. Самоуверенный рахитичный щенок, вот ты кто.

– А ты – старая вылинявшая сука. И ты мне тоже не нравишься, но это не повод, чтобы ручонки распускать. Навязалась на мою голову, суфразистка чертова! – Бубякин не смог смолчать и тотчас же, наученный горьким опытом, отодвинулся от меня подальше.

Но теперь я уже не представляла опасности: вспышка мгновенной ярости улетучилась, уступив место мелким угрызениям совести. В самом деле, в чем виноват этот безобидный хлыщ, поддевший меня скорее по инерции, чем из злого умысла? Неадекватность реакции налицо, неплохо бы заняться расшатавшейся психикой, хорошенько вымыть ей шею и заплести банты в косицы. Я втянула ноздрями сырой октябрьский воздух и только теперь поняла, *что чувствую его*. Впервые за последние три месяца. Это были давно забытые ощущения счастливой резкости бытия, я как будто бы вышла на свет после долгого блуждания в темных лабиринтах своей вины. Странно, что это произошло именно сейчас, эмоциональная встряска – вот чего мне не хватало. Я почти с благодарностью посмотрела на Бубякина.

– Покажи-ка свое недремлющее око.

– Покажу в другом месте, когда буду побои снимать. Тебе это с рук не сойдет, и не надейся, – проворчал Федор вполне миролюбиво.

– Да нет, все в порядке. Фингала ты счастливо избежал. – Я критически осмотрела физиономию Бубякина и осталась довольна.

– Это дела не меняет... Я потребую компенсации, учти.

– Чашка бульона в привокзальном буфете тебя устроит? С расстегайчиком?

– Пошла ты...

– Плащ я тоже могу состирнуть. Из особого к тебе расположения.

– Слушай, ты всегда так зазевавшихся мужиков кадришь?

– Почти, – мне стало весело, – вот только денежку тебе придется вернуть, раз все обошлось. Она мне еще понадобится.

– Для аналогичных случаев?

– Именно.

Я вдруг коснулась руки Бубякина, не отдавая себе отчета, *зачем я это делаю*. И только когда почувствовала под пальцами живую, восхитительно упругую кожу, поняла, что сейчас мне был нужен, был необходим именно этот жест: возвращение к жизни – вот что это означало. Серьга был не в счет, его прошлое было и моим прошлым, его жизнь была и моей жизнью. А там, кроме руин и мертвых тел под ними, не было ничего. Нелепый же ассистент художника Бубякин вдруг оказался первым человеком из внешнего мира, потерянного для меня навсегда; квелый суслик, сам того не подозревая, сделал невозможное – он пробил брешь в моем оцепенении, в моей готовности *не жить*. И с каждой секундой эта брешь стремительно расширялась, мир наполнялся невнятными звуками и сомнительно-яркими красками, я как будто очнулась от спячки...

Нет, я не готова умереть, я не готова умереть, я не готова. Не готова. Простите меня все, но я не готова. От паленой осетинской водки придется отказаться, мне не нужны случайности. Я потянулась до хруста в костях и с наслаждением услышала этот хруст: я была жива!..

– Замечательный октябрь в этом году, ты не находишь, дядя Федор?

– Что-то, я смотрю, у тебя настроение резко поднялось, – с сомнением взглянул на меня Бубякин. – Даже в бесстыжих глазах оживление наблюдается. Давно со спарринг-партнерами не тренировалась? Или все прочие разбежались, один я, дурак, под горячую руку попал?

– Считаю, что так.

– И не называй меня, пожалуйста, дядя Федор.

– Почему?

– Потому что все недоноски так меня называют. Старые девы, любители стереотипов и моя двоюродная бабушка по матери. Идем, шеф там, наверное, копытами землю роет...

* * *

...Страхи Бубякина оказались сильно преувеличенными. Я поняла это, как только мы оказались на четвертом этаже, в маленькой комнате съемочной группы кинофильма с претенциозно-расплывчатым и труднопроизносимым названием «Забить Монтсеррат». Я даже сморщилась от такого явного проявления дурного вкуса: каннский триумфатор мог бы выбрать что-нибудь поизящнее.

– Подожди здесь, – шепнул Федор с таким значением, как будто оставлял меня в предбаннике чистилища, под табличкой «Бог-отец. Часы приема по личным вопросам: 16–18».

Я осталась в коридоре, ничуть не изменившемся за последние несколько лет. Прикрыв глаза, я мысленно восстановила план этажа: чуть дальше – у лестницы – курилка с крышками от пленочных коробок, приспособленными под пепельницы: почти всю стажировку, с небольшими перерывами на винегрет в буфете, мы просидели там – я и моя однокурсница казашка

Камиля, безвестно сгинувшая впоследствии в предгорьях Алатау. Если спуститься вниз, то после долгих блужданий можно оказаться в основном корпусе, напичканном павильонами и камерками вспомогательных служб. Если подняться наверх, то есть вполне реальный шанс наткнуться на кого-нибудь из мастеров курса, играющих тренеров в команде большого кинематографа. Они не узнают меня. Они не узнали бы меня, даже если бы я не изменила лицо: я была самым незаметным растеньицем на курсе, сырьевым придатком блистательного сценариста Ивана. Несчастливая Мышь, нелюбимая падчерица «Мосфильма», если бы только знала, что произойдет с тобой впоследствии...

– Не померла еще? – Распахнувшаяся дверь едва не ударила меня, из-за нее показалась голова Бубякина: – Заходи.

Секунду помявшись и с трудом уняв невесть откуда взявшуюся дрожь в позвоночнике (именно так отреагировала бы робкая Мышь на выход в кинематографический свет, старые стены «Мосфильма» на несколько секунд вызвали к жизни ее фантом), я последовала за Бубякиным.

Это была ничем не примечательная штаб-квартира съемочной группы – таких я за свою стажировку перевидала немало. И в то же время я сразу же ощутила во всей обстановке нечто особенное, неуловимо разлитое в самом воздухе, – как будто бы я вступила на заповедную территорию, никак не относящуюся не только ко мне, но и ко всему остальному миру. Я не могла понять, откуда шло это ощущение – не от плакатов же на стенах, в самом деле, не от стада кинематографических призов, мирно пасущихся за стеклом офисной полки! Здесь было что-то другое, и это «*другое*» моментально уловило мое отдохнувшее от трехмесячного безделья, а потому обостренное обоняние. Реальность внешнего мира вдруг чудесно преобразилась в этой ничем не примечательной комнате, здесь подванивало цирковым духом большой игры, большой авантюры, вселенского блефа.

Запахи.

Все дело в запахах: дорогие духи, дорогая кожа, тяжелый ворс дорогих ковров, слабый привкус сильных наркотиков, едва заметное сизое облачко дыма от студенческого косяка с марихуаной... Черт возьми, куда я попала?!

В комнате не было никого, кроме девушки, сидящей в кожаном кресле. Молодое, вызывающе некрасивое лицо прожженной гашишницы и любительницы группового секса. Босые ноги девушки были небрежно заброшены на стол, и несколько секунд я имела возможность любоваться розовыми пятками. Такая раскрепощенность духа слегка удивила меня, но Бубякин находил ситуацию вполне пристойной.

– Сам-то где? – спросил Бубякин у девушки.

– Во втором павильоне. Старух окучивает, – лениво сказала та и со значением посмотрела на меня. Она бесповоротно причислила мою седую голову к сонму вышеупомянутых окучиваемых старух.

– Меня не искал?

– Рвал и метал, – с видимым удовольствием произнесла девушка, – обещал с поста уволить с волчьим билетом в зубах.

– Вот блин, – занервничал Бубякин, – за мои же заклинанья я ж еще и педераст! Сутками по городу ношусь, фактуру по крохам собираю – и никакой благодарности.

– Я-то здесь при чем? – удивилась девушка.

– Ладно, Светик, мы тогда двинем во второй. Если позвонит, скажи, что я появился.

– Разбежалась, – парировала Светик, – сам с ним разбирайся!

– С ним разберешься! – вздохнул Бубякин и вышел из комнаты, увлекая меня за собой.

Я отправилась следом с большой неохотой. Странное дело, мне вдруг захотелось остаться в этой удивительной берлоге, неуловимо смахивающей на опиумный притон и номер фешенебельной гостиницы одновременно. Бубякин же, верный апостол гиньоля под дурацким назва-

нием «Забить Монтсеррат», уже мчался по длинному коридору. Остановившись на безопасном расстоянии, он повернулся ко мне и отчаянно закричал:

– А все из-за тебя... – Он хотел добавить еще что-то, нелестно меня характеризующее, но вовремя сдержался. – Говорил же, он ненавидит, когда опаздывают! Шевелись!..

...Спустя десять минут мы уже были на подступах к мосфильмовским павильонам. Я помнила эти ангары еще по стажировке: тогда они были почти пустыми. В середине девяностых, когда большой кинематограф рухнул окончательно, самоубийцы-одиночки и фанаты авторских идей предпочитали съемки в естественных интерьерах. Малогабаритные квартиры, забитые мелкими страстишками мелких людей; малобюджетное кинцо с уклоном в нудное морализаторство и дешевую патетику – тогда это было модно. Теперь, судя по всему, наступили другие времена: в павильонах кипела жизнь. Следуя за Бубякиным, я насчитала сразу несколько съемочных групп, довольно пестрых по составу.

– Да у вас здесь жизнь бьет ключом, – одобительно сказала я Бубякину.

– Что есть, то есть, – рассеянно ответил он.

– Сразу несколько нетленок в производстве?

– В основном клипы строят. Сейчас вот Танец-Жигули на повестке дня стоит. Любишь Танец-Жигули, признавайся?

– Это еще кто? – Я решительно оторвалась от последних эстрадных веяний.

– Ну, старуха! Какой же русский не знает Лады Дэнс!

– А-а... Так бы и говорил. Души не чаю в Ладе Дэнс. С ней даже месячные легче переносятся.

– А я думал – ты давно в климаксе, – не сдержался Бубякин и на всякий случай прикрыл голову воротом замызганного плаща, – судя по тому, как ты на мужиков бросаешься.

– Может, я нимфоманка.

Бубякин отогнул ворот и с сомнением посмотрел на меня:

– Не смей меня, нимфоманка!.. У таких клещ, как ты, может быть только одна пламенная страсть – пара страниц из Франсуазы Саган на ночь и игра на мандолине для дальних родственников из Алтайского края.

– Это уже две страсти. А в общем, ты прав, – весело сказала я. Моя неприязнь к Бубякину исчезала с каждой минутой, он оказался вполне сносным парнем со своеобразным, хотя и немного агрессивным, чувством юмора. И зачем я только избила его?...

– А теперь, душа моя, заткнись, – неожиданно прервал нашу милую беседу об особенностях физиологии среднего возраста Бубякин. – Приближаемся к цели. Предупреждаю, режиссер – тиран и деспот, посторонние на площадке вызывают в нем чувство глухого протеста. Так что будь тише воды ниже травы. Обстригаем дельце, и надеюсь больше никогда тебя не видеть. Все поняла?

– Чего уж тут не понять. Тиран и деспот, чувство глухого протеста. Все ясно.

...О том, что мы наконец пришли, я поняла еще до того, как Бубякин остановился перед дверью павильона: в воздухе снова запахло вселенским блефом и веселой авантюрой. Косясь на меня, он быстро набрал шифр на кодовом замке. (Скажите, пожалуйста, какие предосторожности, в мою бытность такого не было и в помине!) В самый последний момент, перед тем как он толкнул дверь в павильон, я все-таки сумела классифицировать этот запах: он шел из моего детства с его копеечными билетиками на первый сеанс в воскресенье. Так могло пахнуть только таинство кино, и именно из-за этого сумасшедшего запаха я оказалась во ВГИКе, токсикоманка чертова. Однако то, что я увидела спустя несколько минут, можно было назвать съемочной площадкой лишь с большой натяжкой. Скорее это походило на ломбард или комиссионный магазин. Все пространство между софитами и интерьерными выгородками было завалено ворохом восхитительных, потускневших от долгой жизни вещей. Любая из них могла украсить витрину антикварной лавки средней руки. Картины, акварельные наброски и незаконченные

этюды, ребра тяжелых багетов; непрочные безделушки, всегда переживающие своих хозяев... Иконы в серебряных окладах, напольные китайские вазы; лампы, у подножия которых разгрызались фарфоровые сцены из греческих трагедий и французские пасторали. Почетное место занимала пирамида из песочных часов и клепсидр – время, заключенное в них, не имело никакого значения. Во всяком случае, для меня: я могла бы провести несколько дней, разбирая эти завалы вещей.

– А я и не знала, что у вас здесь филиал реквизиторского цеха, – зачарованно произнесла я и дернула Бубякина за рукав.

– Правило номер один: ничего не лапать. Правило номер два: никогда не произносить слово «реквизит» в контексте тирана и деспота.

– Почему?

– Потому что он ненавидит реквизит. И бутафорские примочки. Все вещи подлинные, у каждой своя история. Это создает нужную глубину общего плана. Видишь вон ту милую картинку пастелью? – шепнул Бубякин и указал на маленький этюд, почти погребенный под другими картинами. – Это настоящий Тулуз-Лотрек. Неучтенная голова Ля Гули из Мулен-Руж. Запасники Пушкинского музея.

– Как же она у вас оказалась?

– Сами принесли, долго кланялись, сказали «приходите еще» и коллекцию постимпрессионистов обещали, если для дела понадобится.

– Что ты говоришь!

– Ладно, пошел на плаху, а ты в хвост просителям устраивайся. Я тебя позову.

Тяжело вздохнув, Бубякин направился к единственному ярко освещенному углу павильона, в котором находилось несколько человек. Угол был обставлен так же добротно, как и комната съемочной группы «Забыть Монтсеррат». Длинные столы, заваленные антиквариатом, галогеновые светильники, глубокие офисные кресла. Впрочем, кресла предназначались не для «просителей», как охарактеризовал их Бубякин, те довольствовались списанными за выслугу лет казенными стульями. Контингент просителей, в который попала и я со своим «Шекспиром» в холщовой сумке, состоял в основном из бедно одетых старух с прямыми дворянскими спинами и вполне пролетарскими сухонькими лапками. Каждая из них крепко прижимала к себе сумочку и недружелюбно косилась на соседок. Я сильно подозревала, что весь этот антиквариат перекочевал сюда именно из потертых старушечьих баульчиков и ридикюлей. Тиран и деспот, «последний император» Большого стиля» Анджей Братны, действовал с размахом, весь масштаб которого я оценила чуть позже.

А пока я сидела в самом конце очереди на заклание, на самом неудобном стуле, в самой неудобной позе. И с тоской думала о том, что зря ввязалась в это мероприятие. Увенчанный лаврами Тулуз-Лотрек и мой экстравагантный, но удручающе современный «Шекспир на сборе хвороста» находились в разных весовых категориях. Да и опьяняющее чувство жизни, которое я испытывала все утро, вдруг исчезло: возможно, в этом виноваты прямые спины старух, их жесткие провалы ртов и складки морщин на лицах. Я была одной из них. Так же, как и они, я потеряла все. Но в отличие от старух у меня нет даже тряпицы с камеей или фарфоровой пастушки. К тому же и единственный выходной безвозвратно загублен. Выходной, который я могла провести с Серьгой и Микки Спиллейном... Чтобы хоть чем-то занять себя, я тихонько поднялась со стула и под неодобрительные взгляды старух отправилась бродить по павильону. К антикварным развалам я подойти не решилась: их охраняли два молодых человека с печатью значительности на разбойных телохранительских физиономиях: острые глаза, тупые подбородки, скорострельные «стечкины» у потных подмышек – таких типов за последний год я перевидала предостаточно и в самых разных обстоятельствах. Вот только никогда не думала, что увижу их здесь, на мирном и далеком от криминала «Мосфильме».

Один из охранников весело ощерил зубы и махнул мне рукой: сидите где сидели, дамочка, не шляйтесь без надобности. Я кивнула, испуганно округлив рот, моментально исчезла из поля зрения охранников и спустя несколько минут оказалась в глубоком тылу павильона.

Чтобы тотчас же наткнуться на Анджея Братны.

Я сразу узнала его – фотография из «Искусства кино» прочно врезалась в память. Вот только одного я никак не ожидала: лицо Братны оказалось еще более привлекательным, чем на снимке. Нет, «привлекательность» было самым неудачным определением из всех возможных. Можно ли считать привлекательными стихийное бедствие, воронку от взрыва, лезвие ножа, занесенного над жертвой? Единственное, что я могла сказать точно: это была привлекательность неотвратимой развязки.

Сидя на корточках перед грудой реквизита (правило номер два: никогда не употреблять слово «реквизит», вспомнила я Бубякина), он о чем-то тихо переговаривался со своим спутником – холеного вида бюргером. Бюргера звали Лутц, я поняла это из отрывистых реплик на искаженном русском и отвратительном английском. Я никогда не была сильна в языках, но общий пафос беседы уловила: каннский триумфатор беззастенчиво втюхивал немцу коллекцию пасхальных яиц.

– Фаберже, – втолковывал Братны, пощелкивая тонкими пальцами.

– Я, я... Андестэнд, Фаберже, – кивал немец круглой бритой головой и с сомнением рассматривал яйца.

– Мы же с вами не первый день работаем... Никаких фальшивок. Все вещи подлинные, золотой фонд русской культуры... Андестэнд?

– Я, я... – вяло отбивался недоверчивый Лутц.

– Вот, смотри, бундес чертов... Лук эт ми, герр Лутц. – Анджей взял в руки тусклое, припорошенное временем и не очень выразительное пасхальное яйцо. И тут произошла удивительная вещь: в его ладони оно преобразилось, заиграло яркими красками, в самой его сердцевине возник теплый и ровный свет.

Несколько секунд я не могла оторвать взгляда от этого удивительного зрелища. Но еще большие метаморфозы происходили с немцем: лицо его пошло красными пятнами, выдававшими крайнюю степень волнения. Он протянул было руку к волшебному маленькому предмету, но яйцо моментально исчезло в ладони Братны.

– Так как? Берете? – тоном змея-искусителя спросил режиссер.

– Я, я! – Немец еще больше покраснел, на какую-то долю секунды мне показалось, что его хватит апоплексический удар. – Хау мах?

Братны раскрыл ладонь – яйца там больше не было: стандартный ход иллюзиониста на летнем отдыхе в райцентре средней полосы, но как эффектно! Я даже сглотнула слюну от удовольствия и с трудом удержалась, чтобы не заплодировать. Растопырив пальцы, Братны старательно указал немцу на пятерню:

– Пять штук за каждое. Файв саузенд фо ич. Почти даром. Андестэнд?

– Я, я, – все повторял немец и не мог остановиться.

Братны вытащил сложенный вчетверо листок и ткнул его немцу:

– Заодно и соглашение о сотрудничестве подпишем.

Парализованный манипуляциями режиссера, герр Лутц послушно достал из нагрудного кармана роскошный «Паркер», черкнул что-то на листке и водрузил ручку на место. Режиссер проводил «Паркер» задумчивым взглядом профессионального карманника и похлопал немца по плечу.

– Вот и отлично, герр Лутц, вери гуд. Все формальности потом, а сейчас извините... Эскьюз ми. Работа. О наших расписных бараках поговорим сегодня вечером. Тудей ин ивнинг. О'кей?

– Я, я...

– Я провожу вас.

Когда они, все так же похлопывая друг друга по плечам и выказывая чрезмерное расположение друг другу, прошли мимо меня, я уже знала, что «Паркера» в нагрудном кармане немца не окажется. Ушлый режиссер обязательно сопрет его. С самым невинным выражением лица. Точно с таким же выражением, точно с таким же изяществом в движениях я в свое время обносила дорогие ботики – только из хулиганских побуждений. Братны тоже был хулиганистым парнишкой, это я поняла сразу, вот только масштаб его шалостей потрясал воображение. Если он снимает кино так же, как крадет вещи, если все, к чему он прикасается, так же вспыхивает внутренним светом (а я сама видела это) – кинематограф заполучил действительно потрясающую личность.

Прости меня, Иван...

Я вернулась к старухам, к своему «Шекспиру», оставленному на стуле. Теперь я кое-что знала о Братны, и сведения эти не были почерпнуты из солидных академических изданий. А спустя некоторое время в зоне видимости появился и он сам: теперь уже в сопровождении маленького лысого человека в сатиновых конторских нарукавниках. И тотчас же весь павильон пришел в движение, жизнь с бешеной скоростью завертелась вокруг Братны, он втягивал в свою орбиту все новых и новых людей. Даже старухи занервничали и вытянули жилистые шеи в сторону пришедшего режиссера.

– Сам пришел. Явился, слава богу. Теперь быстрее пойдет, – слышался их нестройный ропот.

Братны оккупировал кресло, вальяжно развалившись в нем, и придал лицу скучающее выражение. Его спутник скромно расположился рядом, разложив перед собой крошечные, остро сверкающие ювелирные инструменты. За спиной Братны тотчас же оказалась блеклая инфанточка с подозрительно высоким лбом, сводная сестра гашишницы Светика: женщины в съемочной группе Братны не отличались разнообразием. Инфанточка держала в руках талмуд и поедала глазами затылок режиссера. Тут же, невдалеке, пасся стреноженный и притихший от ощущения собственной значительности Федя Бубякин.

– Давайте сюда бабuleк, – скомандовал Братны, – и в темпе, пожалуйста, у меня сегодня пробы.

Очередь пришла в движение, старух выдергивали по одной и подводили к столу. Лысый ювелир прекрасно знал свое дело: он рассматривал принесенные украшения сквозь лупу, о чем-то шептался с Братны и тихим голосом выдавал резюме. Я не слышала, о чем он говорил старухам: видимо, это были не совсем лестные комментарии по поводу качества изделий. Большинство старух моментально теряло царственную осанку и отползало в сопровождении инфанточки к другому столу, за которым, обложившись бумагами и тонкими стопками наличных денег, сидел юный прощелыга в хорошо отглаженном костюме банковского клерка. Такому типу я не доверила бы и скомканной десятки из своего кошелька. Сладенько улыбаясь, клерк вручал старухам наличные, они ставили подпись в каких-то ведомостях, получали расписки и тихонько исчезали из павильона.

Вся технологическая цепочка – от ювелира до юного прощелыги – безумно заинтересовала меня. Я уже видела, как легко Братны разделался с доверчивым немцем. А беспомощные пожилые женщины представлялись совсем уж легкой добычей.

– Вы что-то принесли для съемок? – осторожно спросила я у своей соседки.

Старушка оказалась разговорчивой.

– Вот, объявление прочла, – шепотом пояснила она, – требуются настоящие украшения... За приличные деньги, напрокат... А сейчас такое время, сами знаете. Я одна, а пенсия крохотная. К тому же ее задержали... У меня очень стесненные обстоятельства, очень. А здесь обе-

щали... Говорят, режиссер очень известный. А у меня от прабабки осталось кольцо, сапфир чистой воды. Я его даже в войну сберегла. А теперь вот... Взгляните, дама.

Она вытащила из сумки коробочку и открыла ее. Кольцо, уютно свернувшееся на вытертом бархате, поразило меня: это действительно был сапфир редкой красоты. По его краям вились стилизованные виноградные листья – золото высшей пробы, не потускневшее от времени. Люди капитана Лапицкого, которого я так беззастенчиво предала, научили меня разбираться в камнях, это было одним из составляющих моей подготовки.

– Очень красивое, – выдохнула я, – великолепная вещь.

– Да, – грустно подтвердила старушка, – тридцать лет его носила. Теперь не могу, суставы распухли, у меня артрит, знаете ли...

Высоколобая инфанточка поманила мою соседку пальцем, и та послушно двинулась к столу.

– Я с вами, – шепнула я старушке, предчувствуя недоброе.

– Как хотите, – равнодушно ответила она, сейчас ее интересовала только сумма, которую она может выручить за сданную в прокат фамильную драгоценность.

Спустя минуту лысый ювелир уже внимательно рассматривал кольцо, а я не спускала глаз с Братны. По его полуприкрытым векам пробежала тень, он потер подбородок и хмыкнул: чуть громче, чем было необходимо.

– Хорошая работа, – осторожно произнес ювелир, не отрываясь от лупы, – золото вполне приличное. Не высшей пробы, конечно. Вы когда-нибудь проводили ювелирную оценку кольца?

– Нет, – старушка непонимающе посмотрела на ювелира, – а нужно было?

– С камнем должен вас разочаровать, – сразу же приободрился лысый черт в сатиновых нарукавниках.

– А что с ним такое?

– Это не драгоценный камень, – вынес он приговор и пустился в долгие многословные объяснения. – Очень хорошая имитация, но это не сапфир. Больше похоже на сапфирин, разновидность халцедона, а это уже поделочный вариант, он практически ничего не стоит. Хотя оправа выполнена очень искусно. Вот что: мы можем купить у вас кольцо, тем более что никакой художественной ценности оно не представляет. Но за золото можно заплатить вполне достойную сумму.

Ювелир метнул быстрый взгляд на Братны. Тот забарабанил пальцами по подлокотнику.

– Скажем, рублей семьсот. В любом другом месте вам дадут гораздо меньше, если вообще что-то дадут. А семьсот рублей по нашим временам – очень даже неплохо.

На старушку жалко было смотреть: губы ее запрыгали, как у маленькой девочки, из глаз выкатились две одинокие слезинки.

– Как же так? – прерывающимся голосом спросила она. – Это же наш фамильный камень, он из поколения в поколение передавался. Моя прабабка...

– Ну, – развел руками ювелир, – подделок хватало во все времена.

Сбитая с толку старушка нерешительно потянула к себе кольцо.

– Не может быть. Это настоящий сапфир, – обреченно сказала она.

– Я занимаюсь ювелирным делом тридцать лет, а здесь выступаю только как консультант. Но любой специалист, даже оценщик ломбарда, скажет вам о камне то же самое. Я понимаю ваши чувства, но... Еще раз повторяю – подделок хватало во все времена. Соглашайтесь, бабушка, не прогадаете.

– Нет-нет... Я...

– Я могу взять кольцо с собой, под расписку. Провести дополнительную экспертизу. Но, боюсь, результат будет тем же.

Ювелир цепко держал кольцо в руках, не выказывая никакого желания расстаться с ним. Пора было вмешаться.

– Подделок хватало во все времена, это точно, – вкрадчивым голосом произнесла я, – а вот мошенников сейчас стало гораздо больше. Их у нас просто засилье. Не продохнешь.

Ювелир вздрогнул и выронил лупу из глаза.

– Значит, занимаетесь ювелирным делом тридцать лет? – так же вкрадчиво продолжила я.

– А вы, собственно... – начал было он, но тотчас же замолчал, повинувшись жесту Братны: тот соизволил наконец открыть глаза и пристально смотрел на меня.

– А вам советую, – обратилась я непосредственно к режиссеру, – поискать себе другого эксперта.

– Я не понимаю, – хорохорился ювелир, – меня в чем-то подозревают? Вы кто такая, собственно? Вы с бабушкой? Бабушка, эта дама с вами?

– Нет-нет, не со мной, – сдала меня с потрохами старушка. И скосила глаза в сторону клерка с наличными. Искушение взять деньги было слишком велико.

– Это настоящий сапфир, – обратилась я к ней, – вас просто решили надуть. Будет лучше, если вы заберете кольцо и больше никогда сюда не придете.

– Какого черта? – наконец-то разлепил губы Братны. – Почему посторонние в павильоне?

– Почему же посторонние? – нагло спросила я. – Когда под носом обстрипывают грязные делишки и сомнительные люди проводят сомнительную экспертизу, невозможно остаться в стороне.

– Я попросил бы оградить меня... – струхнул ювелир.

– Вы откуда? Как вы сюда попали? – Братны настороженно посмотрел на меня: никакого испуга в холодных глазах, только легкая досада.

– Как и все. Через центральную проходную. Кстати, по поводу тридцатилетнего стажа. У вас есть документы? – цыкнула я на притихшего ювелира и снова обратилась к старушке: – На вашем месте я бы потребовала удостоверение личности эксперта и лицензию как минимум.

Жизнь в павильоне замерла: все незаметно подтянулись к месту неожиданной склоки, в задних рядах партера я даже увидела изрядно испуганного Бубякина. Я испортила гениальному режиссеру всю обедню с сапфиром; если выяснится, что на студию меня приволок дядя Федор, – его задница моментально загорится и рухнет в бездну, как самолет капитана Гастелло.

– Интересное кино, – ни к кому не обращаясь, произнес Анджей Братны.

– Ну, что вы! Ваше куда интереснее.

– Поклонница таланта?

– Некоторым образом.

Теперь он внимательно рассматривал меня. Он даже соизволил поменять позу.

– Разбираетесь в камешках?

– Некоторым образом. Во всяком случае, вполне могу отличить настоящий камень от подделки.

– Если мне не верят... Если меня в чем-то подозревают, – снова затянул свою волюнку ювелир, но Братны резко пресек его:

– Заткнись!

Сбитая с толку старушка переводила взгляд с Братны на меня и никак не могла понять, что же здесь происходит. Наконец она решилась взять слово:

– А с кольцом-то, с кольцом-то что?

– Действительно, что с кольцом? – поддержала старушку я, откровенно издеваясь над Братны.

Ситуация злила его, я это видела. Мне хватило нескольких минут, чтобы просчитать комбинацию Братны. Подменить драгоценности или просто максимально занизить их стоимость – такие вещи практиковались в среде нечистых на руку ювелиров. Но чтобы преступная лавочка

развернула свою деятельность в самом сердце непорочного «Мосфильма»! Это было слишком даже для увенчанного лаврами режиссера.

– Если вы не доверяете нам, – с нажимом произнес Братны.

– Я доверяю, доверяю, – тихо сказала старушка.

– Если вы не доверяете нам, воспользуйтесь услугами независимых экспертов.

Словосочетание «независимый эксперт» ввергло пожилую женщину в ступор.

– Я согласна, – наконец сказала она. – Но деньги мне выдадут?

Братны с торжеством посмотрел на меня. Я проиграла. Черт возьми, я проиграла, сейчас сапфир уплывет в бескрайний океан реквизита фильма «Забывать Монтсеррат» и будет мирно покачиваться на волнах рядом с немецким золотоголовым «Паркером». Сам «Паркер» уже торчал в кармане пиджака Братны. Что и требовалось доказать.

– Конечно, конечно. Муза, проводи женщину.

Инфанточка подхватила мою неожиданную подопечную, и они продефилировали мимо меня.

«Съела, стерва?» – сказали мне глаза Братны, чуть затуманившиеся от неожиданно легкой победы.

«Ты скотина, типичный пальмовый вор», – сказали Братны мои собственные глаза, чуть затуманившиеся от неожиданно легкого поражения.

– Вас я тоже не задерживаю.

– Жаль. А я хотела предложить вам кое-какие ценности. – Я не могла уйти просто так.

Никто не может уйти от тебя просто так, Анджей Братны, и ты знаешь это! Сукин сын, пряничный рождественский разбойник, сахарная голова, до чего же ты хорош! Я поймала себя на мысли, что весь мой праведный гнев куда-то улетучился. На Братны положительно нельзя было сердиться. Ему сошло бы с рук даже ограбление ризницы Московской Патриархии. В его бледных польских скулах не было никакой цыганщины, но я почти уверилась в том, что он может загипнотизировать кого угодно. Загипнотизировать и таскать за собой на коротком поводке, лишь изредка отпуская на свидание с родными. Интересно, сколько таких поводков у него в руках?...

– Вот как? Рубиновый гарнитур императрицы Александры Федоровны?

– Не совсем. Пара картин, только и всего.

– Рубенс? Левитан? Томас Гейнсборо?

– Нет. Современный художник.

Братны закинул руки за голову.

– Угу... Федор! – Братны выдернул из толпы Бубякина, очевидно, отвечающего за современное изобразительное искусство: – Ты привел?

– Кого? – трусливо спросил дядя Федор.

– Эту женщину. Как она здесь оказалась?

– Впервые вижу. – Глаза дяди Федора умоляюще округлились, ему не хотелось попадать в немилость к кинематографическому царьку из-за такой случайной дряни, как я. – Вы как сюда попали, голубушка?

– Прочла объявление в газете, – пожалела я Федора, вспомнив о том, что говорила мне старушка.

– Ладно, показывайте ваши полотна, – снизошел наконец Братны, – только живенько, и закончим на сегодня.

– Вот и отлично, – с подъемом ответила я, – значит, я буду последней, кого вы попытаетесь объегорить.

– Радостное совпадение наших желаний. Только отойдем в сторону, чтобы не мешать группе подготовиться к пробам.

Мы с Братны направились в тот самый райский уголок, где он обставил немца. Стараясь не смотреть на пасхальные яйца псевдо-Фаберже, прикорнувшие среди других экспонатов, я распаковала планшет и вынула своего «Шекспира».

– Здесь не очень хорошее освещение, – заметила я, извиняясь.

– Ничего, я соображу, что к чему.

Несколько минут Братны задумчиво рассматривал каныгинскую картину.

– Кто автор?

– Один молодой человек. Сейчас, к сожалению, он не работает.

– Жаль. Я беру эту картину. Есть еще что-нибудь?

Я достала «Шутов и кардиналов». Братны мельком взглянул на них – только из брезгливой вежливости. Точно так же взглянула бы на них и я. «Шуты и кардиналы» мне не нравились, слишком много бездумного пурпура, как раз в марийском самогонном стиле.

– Эти не пойдут.

– Не соответствуют гражданскому пафосу киношедевра?

– Именно. Как называется первая штучка?

– «Шекспир на сборе хвороста».

– Я так и подумал. Сколько вы за нее хотите?

– Я не продаю эту картину.

Братны посмотрел на меня и улыбнулся:

– Что, вещица неоднократно спасала вас от самоубийства?

У меня даже в глазах потемнело от такой пронизательности. Не хватало еще, чтобы этот самоуверенный простодушный гений вскрыл мою черепную коробку!

– С чего вы взяли?

– Меня бы спасла... Как вас зовут?

– Какая разница? Ева. – Я давно не произносила своего имени вслух, состарившиеся губы с трудом вытолкнули его на поверхность.

– Значит, Ева. Поклонница Аль Бано и Рамины Пауэр и замшелой итальянской эстрады конца восьмидесятых. Завбиблиотекой школы для детей с задержкой умственного развития.

– Не совсем. Я работаю в видеопрокате.

– Почти угадал. Я беру вашу картину для съемок.

Я молчала.

– Мы заплатим вам. Сумма не очень большая...

– Но по нашим временам очень даже неплохо, – закончила я за Братны.

– Я напишу расписку. Можете быть спокойны – ничего с вашей картиной не случится.

– Ваша практика говорит об обратном, но хотелось бы верить... – Мне нравилось дерзить ему.

Братны вытащил целый ворох листов, выбрал подходящий и расправил его. Факс с эмблемой Венецианского фестиваля – я успела разглядеть реквизиты в правом верхнем углу. Клочок бумаги, неотразимо действующий на экзальтированных журналисток из прибалтийно-богемного издательства «Семь дней». Вот тут-то ты и попался, голубчик Анджей Братны! Немецкий «Паркер» уже несколько минут покоился в рукаве моей старой кофты с обтрепавшимися рукавами. Это был немудреный трюк, точно такой же, какой проделал Братны с герром Лутцем. Но в моем случае имела место более тонкая работа, я приблизилась к Анджее лишь однажды, чутко отреагировав на реплику об Аль Бано и Рамине Пауэр. Я действительно их любила.

Братны похлопал себя по карманам, но не выказал особого беспокойства.

– У вас есть ручка? – наконец спросил он.

– Конечно. – Я была сама невинность. Истинная Ева перед грехопадением. Продолжая мило улыбаться, я протянула ему «Паркер». Игра «вор у вора дубинку украл» продолжалась. Я лидировала с перевесом в несколько очков.

Он взял ручку, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Подумав несколько секунд, он что-то быстро написал на листке и протянул его мне. И только потом воззрился на лутцевский трофей.

– Дорогие у вас принадлежности для письма. Долларов на двести потянут.

– Мне это не стоило ничего, – резонно заметила я.

– Мне тоже. – Он вернул мне «Паркер» и широко улыбнулся, продемонстрировав ряд восхитительно неровных белых зубов. – Сейчас подойдете к Музе, она вам печать шлепнет.

– Кто это – Муза?

– Вон та бедная овечка с амбарной книгой в руках. – Он указал подбородком в сторону высоколобой инфанточки. – Я вас больше не задерживаю. Всего хорошего.

Всего хорошего. Показательные выступления дневных воришек закончились. Мне вдруг стало грустно. Сейчас я уйду и больше никогда его не увижу, какая жалость. Занятный тип, бездарно постриженный, плохо выбритый, неважно одетый, способный вскружить голову кому угодно. Невозможно даже представить себе, что он делает с людьми и камерой на съемочной площадке. С такими копперфильдовскими способностями, с такими белыми зубами, с такой ловкостью рук, с такими глазами, лишенными всех страстей сразу, с мальчишескими замашками Господа Бога...

– Всего хорошего, – выдавила я из себя и направилась к Музе, уже давно следившей за нашей светской беседой ревнивыми бесцветными глазами.

Когда я подошла к столу, вышколенная Муза поставила мне печать, даже не глядя на листок, и облегченно вздохнула. Я поискала глазами счастливицу Бубякина, неизвестно какими путями втершегося в съемочную группу Братны, но он как сквозь землю провалился. Пора уходить, больше тебя ничто здесь не задерживает. Через несколько минут Анджей Братны станет только воспоминанием, самое время заправиться винегретом в студийном буфете, как это иногда случалось со сценаристкой Мышью. От переизбытка эмоций (кто бы мог подумать, что меня захлестнут эмоции!) она всегда спасалась, роясь в мелких кубиках свеклы и соленых огурцов.

* * *

...Цены в буфете оказались запредельными – очевидно, планку поднимали богатенькие буратины-клипмейкеры, скромным работникам видеопроката ловить было нечего. Наличности, которой я располагала, хватило только на чашку демократического чая «Липтон» и медовую коврижку, завтрак аристократа, ничего не скажешь. Расположившись за столиком, я вытащила бумажку, которую дал мне Братны: не исключено, что его расписка окажется филькиной грамотой. Это действительно был факс Венецианского фестиваля, Братны приглашали в жюри, совсем неплохо для режиссера из медвежьего угла цивилизации. Я улыбнулась: интересно, чьи карманы он обнесет вначале – Микеланджело Антониони или Роберта де Ниро? При его способностях можно даже влезть в сумочку потерявшей бдительность Катрин Денёв и остаться безнаказанным. Я никогда не была в Венеции, какая жалость.

Перевернув факс, я углубилась в изучение расписки. Мне понадобилось несколько минут, чтобы разобрать отвратительный почерк Братны – неровные строки, никаких знаков препинания, грамматические ошибки, сидящие друг на друге, – именно таким он и должен быть у начинающего гения, как же иначе, нужно долго тренироваться, чтобы писать так небрежно. Но то, *что* я прочла, повергло меня в изумление. Изумление было настолько сильным, что мне пришлось перечитать опус Братны несколько раз, чтобы вникнуть в его смысл.

Никакой распиской здесь и не пахло. Он назначал мне что-то похожее на свидание!

Мне, страшно постаревшей, несколько раз умершей женщине с обтрепавшимися руками вязаной кофты!.. Хотя, по зрелом размышлении, чему тут удивляться – я вспомнила

слова Серьги о том, что Братны ненавидит красивых женщин, я вспомнила девушек из съемочной группы. Если это правда (каких только извращений не бывает в подлунном мире!), то я вполне вписываюсь в его концепцию, я могу дать сто очков вперед всем его дамочкам...

Записка гласила:

«КАК НАЩЁТ ВСТРЕЧИ ПО ПОВОДУ КИНОШКИ ДУМАЮ
ВЫ НЕОТКАЖЕТЕСЬ ПОСИДЕТЬ С ВИЛИКИМ РЕЖИСЁРОМ В
СТУДИЙНОМ БУФЕТИ БЕЗ СВЕЧЕЙ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИНУТ
ЗАКАЖИТЕ МНЕ ТОЖЕ ЧТО И СИБЕ».

Жалкая закорючка вместо подписи говорила о серьезности намерений, такую просьбу нельзя было оставить без внимания. Братны нравился мне все больше и больше, я даже прикрыла глаза от восхищения.

...Когда он наконец-то возник между столиками, я уже ждала его, вооружившись дополнительной чашкой чая и еще одной медовой коврижкой. Как ни в чем не бывало он сел напротив и откинулся на стуле. Несколько минут мы молчали: я изучала его, а он – меня.

– Не густо, – перевел он глаза на стол.

Я развела руками – чем богаты, тем и рады.

– Хотите еще чего-нибудь?

– Нет.

– Я думаю, что хотите.

Безапелляционность тона задела меня.

«Уж не тебя ли, роднуля? – Я состроила скептическую гримасу. – Можно только представить, как млеют околкиношные дивы, заведя тебя в радиусе пятидесяти метров!»

– Вы полагаете?

– Я просто уверен в этом.

Интересно, что он может мне предложить? Не постель же на скорую руку, в самом деле.

– Думаете, вы неотразимы?

– Конечно, иначе зачем бы вы торчали в буфете.

Действительно, зачем бы я торчала в буфете, в самом деле? Только для того, чтобы взглянуть еще раз на замечательного мальчишку с неподвижным, как у Будды, лицом. С таким лицом невозможно быть ничьим любовником, скорее всего Братны вообще далек от этого, он всегда выбирает третий путь из двух возможных («хороший любовник – плохой любовник», и никакой альтернативы). Нужно обязательно развить эту тему в какую-нибудь из бессонных ночей...

– Пейте чай, остынет, – мягко посоветовала я.

– Хотите работать у меня? – вдруг спросил он.

– У вас? – Я ожидала всего, только не этого. – Вы смеетесь!

– Напротив, совершенно серьезен.

– Чему обязана таким неожиданным предложением?

– Вы мне нравитесь. – Он был откровенен, он шел напролом.

– Вы всегда так подбираете кадры?

– Всегда.

– Странный подход.

– Ничего странного не вижу. Съемочная группа – это всего лишь секта, не более. Когда я понял это, все стало на свои места. Мне нужны адепты. Я вербую их, как парень по кличке Христос вербовал своих апостолов. Они ни черта не понимали в общем замысле, но привносили в него свою изюминку. С этой точки зрения вы мне подходите.

– А как насчет профессионализма? Я не имею никакого отношения к кино, – вдохновенно соврала я.

– Дело наживное. Ассистентом по работе с актерами пойдете?

– Что я должна делать?

– Для начала покажете мне этот трюк с «Паркером». – Он широко улыбнулся, и я в очередной раз поразились небрежной красоте его зубов. – Вы же не подходили ко мне. Как он оказался у вас?

– А у вас?

– Сдаюсь-сдаюсь. Вообще-то я его стибрил у заезжего фрица. За мной такое водится.

– Я учту. С вами нужно держать ухо востро.

– Совершенно необязательно. Значит, мы договорились? Я беру вас на работу.

Никто еще не решал мою судьбу вот так, за каких-нибудь тридцать секунд. Даже капитану Лапицкому понадобилось больше времени. Я улыбнулась: вся моя предыдущая жизнь вполне достойна такого феерического финала в компании с полоумным режиссером, лучшего заключительного аккорда и не придумаешь. Даже если кто-нибудь из людей капитана и пристрелит меня среди декораций и этюдника Тулуз-Лотрека, я вполне могу этого не заметить...

– Но у меня уже есть работа...

– Это видеопрокат, что ли? – Он запомнил, что я говорила ему, очень мило с его стороны. – Бросьте, это несерьезно. Я предлагаю вам *кино*. От кино еще никто никогда не отказывался. Любая женщина отдала бы за мое предложение все, что угодно.

– Мне нечего отдавать. А вообще я в курсе. Не ляжешь на диван – не выйдешь на экран, – не к месту вспомнила я старую, засалившуюся от долгого употребления вгиковскую поговорку, так любимую Иваном.

Братны поморщился.

– Это не ко мне. Да и не к вам. Вы-то уж точно не выйдете на экран, даже если пролежите во фривольных позах на диване всю оставшуюся жизнь. – Он все-таки куснул меня. – Я исповедую другие принципы.

– Неужели у вас есть принципы? Искусству это противопоказано. Когда я могу приступить к работе?

– Как только утрясете дела со своим видеопрокатом.

– Считайте, что уже утрясла.

Я без сожаления расстанусь с ним, не сомневайся, Анджей Братны, я с наслаждением пошлю к черту всех своих клиентов; тираннозавры «Парка Юрского периода» будут грызть их без моего деятельного участия; я больше не буду ни для кого ни «шер ами», ни «женщиной», ни «подругой». А ты придумаешь для меня вполне жизнеутверждающую концовку. Какое-нибудь другое прозвище, с которым я тихо отойду в мир иной, когда все закончится.

– Вот и отлично. Вы зачислены в группу с сегодняшнего дня, позже я объясню вам круг ваших обязанностей. Пропуск вам подготовят.

– И больше никаких формальностей?

– Никаких. Если вы свободны в ближайший час, я представлю вас съемочной группе.

– Я свободна в ближайший час. И возьмите вашу ручку. – Я протянула ему «Паркер», но он не взял его.

– Оставьте его у себя. Это мой подарок.

– Широкий жест.

– Я вообще очень широкий человек. У вас будет возможность в этом убедиться.

Было похоже на то, что он обольщал меня. Но с таким странным видом обольщения я сталкивалась впервые. Он обольщал меня, потому что вообще обольщал все, что угодно: «Паркер» за двести долларов, Ля Гули с этюда Тулуз-Лотрека, старух с их последними фамильными бриллиантами, охранников с тупыми мордами охотничьих собак, яйца Фаберже, жюри Каннского фестиваля, жюри Венецианского фестиваля, пленку «Кодак», несчастную Музу с гроссбухом под мышкой, осветительные приборы, проходную «Мосфильма» и Пушкинский

музей. Обошлось было его естественным состоянием. Я успела перевидать множество разных людей, но с таким человеческим феноменом сталкивалась впервые.

– Что вы снимаете? – спросила я.

– «Male weerie», – произнес он на неподражаемо плохом английском.

– ?

– «Слезоточивая мужская мелодрама». А впрочем, оставим эти мутные вопросы для журналистов. Классное кино, только и всего. И вы можете приложить к этому руку. Засветитесь в титрах.

– Я не тщеславна.

– Я тоже, – не моргнув глазом, соврал он и тотчас же перешел на «ты»: – Допивай эту бурду, и пойдем. У меня сегодня кинопробы, и твое присутствие как ассистента по работе с актерами обязательно.

К своему чаю он так и не притронулся.

...Я вернулась в павильон в совершенно новом качестве, проделав за полчаса сногшибательную карьеру от скромной работницы видеопроката до ассистента скандально знаменитого режиссера. Масса безработных профессионалов, отирающихся на студии в поисках случайного заработка, сожрала бы меня живьем.

Вся группа была в сборе: кинопробы – дело самое разудалое, если не считать коллективной попойки по поводу окончания съемочного периода. Приехала даже постоянная сценаристка Братны, Ксения Новотоцкая, толстая неопрятная бабища с бездной простодушного пейзажного обаяния. В номере, посвященном каннскому заплыву Братны, ей удалось подобрать крохи с режиссерского стола. Братны нашел ее в каком-то занюханном издательстве, где она последние десять лет подвизалась корректором. О кино она не имела ни малейшего понятия, в чем честно призналась журналистам. И тем не менее «Танцующие тени» получили приз за лучший оригинальный сценарий. «Я сама не знаю, как это получилось, – заявила она озадаченной прессе. – Он заставляет делать то, чего ты даже не можешь ожидать от себя. Если бы не он, я не написала бы ни строчки. Он заставил меня сделать это. Он заставил меня поверить в то, что я могу это сделать. Он лишил меня страха перед жизнью, а это единственное, что мешает искусству быть искусством...»

«Он» – относилось к Братны. Я была почти уверена в том, что выбор Братны был случаен, что он заставил бы написать сценарий кого угодно и с тем же результатом.

Теперь увенчанная лаврами пухлая сценаристка восседала в режиссерском кресле и о чем-то весело болтала с красавчиком Бубякиным: чего-чего, а страха перед жизнью она действительно была лишена.

Как только Братны появился в павильоне, все воззрились на него: я не заметила никакого излишнего обожания в предательских глазах киноработников, только веселое соучастие и ожидание игры по-крупному. Анджей хлопнул в ладоши, и вся съемочная группа замерла в нетерпеливом ожидании.

– Хочу представить вам нового ассистента по работе с актерами, – торжественно объявил Братны.

– А старый где? – дерзко спросил белобрысый молодой человек, до этого тихонько копавшийся в светофильтрах: очевидно, оператор.

Братны пропустил его замечание мимо ушей.

– Ее зовут Ева. Так что прошу любить и жаловать.

Все с любопытством рассматривали меня: к любопытству примешивалось еще что-то, похожее на ревность. Ее причина стала понятна мне чуть позже. Я нашла глазами опешившего дядю Федора и подмигнула ему.

– Более тесное знакомство перенесем на потом. Сейчас прошу всех сосредоточиться. Где чертов хрен оператор?

– Сейчас должен подойти, – кротко сказал белобрысый молодой человек со светофильтрами.

– Хочется верить.

Анджей тотчас же забыл обо мне, увлекшись беседой со своей толстой сценаристкой: дядя Федор был мгновенно отлучен от царственных тел. Пробы были назначены на одиннадцать, и оставшиеся до них двадцать минут я провела в его обществе. Он заговорщицки поминал меня в угол павильона, в полутьму, располагавшую к откровениям. С тех пор как Братны во всеуслышание назначил меня ассистентом, ценность моя неизмеримо возросла. Дядя Федор галантно пододвинул мне антикварный резной стул из обширной коллекции реквизита, а сам устроился напротив. Несколько минут он рассматривал меня – так, как будто видел впервые.

– Поздравляю, – наконец изрек он.

– Спасибо.

– Ну, рассказывай. Что такого противозаконного ты совершила? Протаранила героинем скорый поезд Душанбе – Москва? Ограбила Резервный банк Соединенных Штатов? Или насовала какому-нибудь Сергею Эйзенштейну тумачков возле сортира?

– Все было в рамках приличий, уверяю тебя.

– Да ладно тебе... Рамки приличий – не для нашего гения.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Скоро поймешь, – туманно пообещал дядя Федор. – Кстати, как он тебе?

– Ушлый мужичок.

– Ты просто не въехала в тему. А в общем, я тебя недооценил, старуха, каюсь. Предлагаю выпить вечерулькой за процветание отечественного кинематографа. Ты как?

– У меня дела. – Я впервые за утро подумала о Серье. Его еще нужно подготовить к моему новому роду деятельности.

– Ну, смотри. Если что – я всегда к твоим услугам.

– Я учту.

Дядя Федор был ценным приобретением. Во всяком случае, из него можно многое вытянуть и о Братны, и о съемочной группе. А в том, что эта группа не похожа ни на одну другую, у меня не было никаких сомнений.

– Ну, тогда пошли развлекаться.

– Ты о чем?

– О пробах, о чем же еще. – Ноздри дяди Федора завибрировали, как у скаковой лошади. – Это зрелище не для слабонервных, должен тебе сказать. Получишь массу удовольствия. Я бы за такие представления деньги брал, честное слово! По триста баксов с рыла.

– Почему триста?

– Ну, пятьсот...

Пока мы мило беседовали, появился оператор. Это был Серега Волошко, его я знала еще по ВГИКу. Последний раз я видела его в переходе на «Киевской» полтора года назад; тогда меня звали совсем по-другому, я была безобидной, отошедшей от профессиональных обязанностей сценаристкой, и за мной не тянулся шлейф многих смертей. Серега ничуть не изменился, только седины в волосах стало заметно больше – в этом мы могли с ним посоревноваться... Он все так же носил пышные усы и джинсы в обтяжку. Эти джинсы были главным оружием Сереги в борьбе за зазевавшихся самок, ему даже не нужно было тратить на цветы, мексиканский ресторан и колготки с лайкрой. В промежутках между многочисленными романами Волошко снимал совсем неплохое кино, он был настоящим профессионалом. Слава богу, хоть кто-то в съемочной группе Братны имеет отношение к кинематографу!..

Ровно в одиннадцать начались пробы – шалопай режиссер оказался весьма пунктуальным человеком. В свое время я уже была на пробах к нескольким фильмам. Прячась за спинами осветителей, я пересмотрела все увядающие орхидеи и жизнерадостные кактусы отече-

ственного кинематографа, я могла точно сказать, кто из старлеток сделает карьеру в кино, а кто сойдет с дистанции после первой же роли. Я пересчитала все морщины на лицах у прим и всех любовниц на коленях у премьеров. Но то, что происходило в павильоне сейчас, мало напоминало раз и навсегда заведенный ритуал: даже из него Братны умудрился соорудить высококлассное шоу. Всем актерам-соискателям, вне зависимости от звездного статуса, отводилась роль жалких статистов: Братны сам подыгрывал им и беззастенчиво тянул одеяло на себя. Первым посыпался брутальный красавчик Ким Сартаков, мега-звезда отечественного кино, секс-символ домашних хозяек и агентов по торговле недвижимостью. Вот уже несколько лет он небезуспешно косил под чуть оплывшего Антонио Бандераса, мелькал на всех светских раутах и был бесспорным кандидатом на главную мужскую роль (об этом шепнул мне всезнающий Бубякин). Сартакову нельзя было отказать в таланте, он честно заработал свой статус «лучшей мошонки страны», но рядом с лукавым Братны вдруг неожиданно померк и потерял большую часть своей привлекательности. Даже его холеная трехдневная щетина стала выглядеть отталкивающе, чисто вымытые волосы мгновенно потускнели, а от волевого подбородка запахло чванливой мужской глупостью. Не так-то ты и хорош, друг мой, нужно очень хорошо подумать, прежде чем лечь с тобой в постель... Скорее всего Братны сам писал тексты для кинопроб (диалогами из сценария здесь и не пахло) – только из желания подставить актера, вытащить из него то, что сам он хотел бы скрыть, навсегда похоронить в душе. Я терпеть не могла Кима Сартакова, но сейчас даже пожалела его: он понимал – происходит что-то странное, что-то безжалостно разрушающее его имидж. Он понимал это, но сделать ничего не мог. Да Братны и не позволил бы ему ничего сделать: на съемочной площадке все решал режиссер. Эта режиссерская экзекуция и была зрелищем не для слабонервных, как выразился дядя Федор.

Этак ты всю гильдию киноактеров сделаешь своими врагами, Анджей Братны, с неожиданной нежностью подумала я, ни одна заслуженная тварь не согласится с тобой работать: слухи о режиссерах-экстремистах распространяются в кинематографической среде с быстротой молнии. А если ты и дальше будешь продолжать в том же духе – они скинутся и наймут киллера по сходной цене, с них станется – актеры, как и женщины, ненавидят быть отвергнутыми...

С главной ролью у молодого культового режиссера Сартаков пролетел, это стало ясно всем, и прежде всего – самому Киму. Затаив ненависть в глазах, герой-любовничек пробкой вылетел из павильона, можно только представить, в каких красках он опишет чудовище Анджея Братны.

...Спустя три часа участь Сартакова разделили все соискатели: признанные секс-символы, признанные интеллектуалы, признанные социальные герои, признанные резонеры, признанные трагики и комики. Все они (в паре с Братны) исполнили перед камерой диковинный мужской стриптиз и потерпели фиаско. С громким стуком выпал из обоймы даже вездесущий тусовщик-многостаночник актер-режиссер-сценарист-драматург-шоумен Иван Родной, такой же вечный бич телевизионного экрана, как и музыкальная заставка программы «Время». Съёмочная группа – этот маленький, но дружный круг заговорщиков – во всем подыгрывала своему отцу и учителю, по очереди отходя за бутафорские колонны, чтобы вволю поржать.

– Не знала, что вы снимаете комедию, – сказала я дяде Федору.

– Какая комедия, ты с ума сошла! – неуверенно ответил он. – Экзистенциальная драма из прошлой жизни. Почти Жан-Поль Сартр.

– А-а... Тогда почему он так бесчинствует?

– Никого подходящего найти не может, вот и изгаляется. У Анджея ведь просто – или стопроцентное попадание, или отдыхай на пролетарском курорте Сочи.

...Он появился последним, этот ничем не примечательный мальчик. Скорее типаж, чем актер. Но что-то неуловимо изменилось в самом воздухе павильона: я поняла, что Братны нашел *своего* актера. Это было почти неприличной, почти вызывающей любовью с первого

взгляда. Главный оператор Серега Волошко, который, как верный пес, следил за малейшими изменениями в Братны, подобрался. Осветители засуетились возле софитов; дурнушка Муза судорожно искала что-то в ворохе разрозненных листов сценария – им нужно отдать должное, они действуют слаженно, когда это необходимо их тирану-режиссеру – почти симфонический оркестр под управлением Юрия Темирканова, каждый инструмент на месте. И скрипочки вовремя вступают в тему.

Мальчика звали Володя Чернышов, он только сегодня прикатил из Питера, без всякой надежды получить хотя бы второстепенную роль. Наверное, он даже ничего не слышал о Братны: театральные актеры, сидящие на жалких ролях и жалкой зарплате в жалком театрике, не очень-то следят за веяниями кинематографической моды. На секунду я даже разочаровалась в Анджее: стоило ли отвергать стопроцентных чувственных жеребцов, чтобы заполучить это бледное сокровище? Но разочарование продлилось всего лишь несколько минут. Стоило лишь Братны, под пристальным взглядом камеры, вступить с Чернышовым в словесный поединок.

Братны уже все решил для себя, я это видела: главную роль будешь играть ты – ты и больше никто, мальчик Володя Чернышов. И попробуй доказать мне обратное. Вершиной твоей карьеры был Санта-Клаус на детском утреннике в спортивном комплексе «Заря», теперь у тебя есть шанс. Я тебя выбрал, не подведи меня, малыш!.. Для подобных случаев у иллюзиониста Братны были придуманы совсем другие тексты – провокационные и нежные одновременно, заготовленные для счастливого соития художника и модели. Анджеем, который все это время откровенно издевался над своими суперзвездными партнерами, вдруг преобразился: он отступил на второй план, чтобы заставить никому не известного актера *играть*. Играть так, что все находящиеся на съемочной площадке затаили дыхание. С Чернышовым произошло то, что происходило с любой вещью, которой касалась рука Братны: теперь он светился внутренним светом. В какую-то долю секунды он стал чертовски красивым, в потемневших глазах была вся ярость и вся прелесть мира, даже не очень выразительные губы выгнулись прихотливыми лепестками. Совершенно замороженная происходящим, я поймала себя на одной-единственной мысли: пусть это зафиксирует камера. Немного усилий, и этот мальчик проснется знаменитым...

– Что творит, гад! – одобрительно выдохнул за моей спиной дядя Федор. – Без ножа режет...

Судьба роли была решена – об этом, прежде чем закончить пробы, сообщил всем Братны. Он похлопал опешившего Чернышова по плечу и представил съемочной группе нового главного героя: вариант окончательный и обжалованию не подлежит. Обалдевший от такого неожиданного фарта питерский счастливчик сидел на краешке стула и смотрел на Братны влюбленными глазами. Сам же Братны, казалось, потерял всякий интерес к актеру, Чернышовым занялась вездесущая Муза: контракт, суточные, проживание в мосфильмовской гостинице и прочие унылые производственные мелочи, не касающиеся высокого искусства.

Братны, который помнил все и следил за всем, подошел ко мне и сунул в руки пухлую папку:

– Это сценарий, судьба которого так тебя волновала. Можешь с ним ознакомиться, чтобы иметь представление о том, что я собираюсь делать. В общих чертах, конечно, обычно от всего этого эпистолярного камня на камне не остается. – Он сказал это без всякого кокетства.

– А что с главной героиней? Нас ждет такая же волнующая выбраковка поголовья?

– А ты мне все больше и больше нравишься. И шутишь симпатично. Вот только главная героиня уже утверждена. Тебе, как ассистенту, остается мелкая второстепенная шушера. Рабочий день с девяти, будем отстреливать всех остальных. Прошу не опаздывать.

– Я очень пунктуальна.

– Подойдешь к Музону, она подготовит тебе пропуск. А насчет зарплаты будем разговаривать завтра с директором группы. Внакладе не останешься.

– А Музон?...

– Музон – это Муза. Она же Музей, она же Пегас, она же Эрато, – терпеливо пояснил Братны. – Ты ее видела. Придумаешь кличку поэлегантнее – получишь прибавку к пенсии. До завтра.

Братны покинул павильон. Следом за ним потянулись все остальные. Я едва не поддалась искушению прилепиться к Сереге Волошко, так счастливо материализовавшемуся из нашего вгиковского прошлого, но это был лишь минутный порыв: я не имела права возвращаться к прошлому, каким бы соблазнительным оно ни казалось. Я для Волошко всего лишь один из ассистентов, не больше. Зато с дядей Федором можно сойтись поближе, тем более что сам он последние несколько часов демонстрировал сходные чувства. Мое неожиданное появление в съемочной группе заинтриговало его. Заинтриговало настолько, что утренняя сцена бойни была благополучно забыта.

...Спустя полчаса мы с Бубякиным уже сидели в кафе и мило болтали. От коньяка, галантно предложенного дядей Федором, я отказалась: после сегодняшнего дня, насыщенного волшебными событиями, я не нуждалась в допинге. Дядя Федор пил за двоих и вводил меня в курс кинематографических дел, то и дело поглядывая на папку со сценарием.

– Забавная у вас команда, – поощрила я его.

Этого было достаточно, чтобы дядя Федор пустился в пространные рассуждения.

– Тебе крупно повезло, старуха, – нежно шептал он, опрокидывая стопку за стопкой. – Такого финансирования, как у нас, нет ни у кого в этой стране. Разве что Никита Михалков вырвет зубами что-то похожее.

– Неужели Госкино расстаралось?

– Держи карман шире! Никаких государственных вливаний. Только спонсорские. К нам меценаты в очередь стоят, а Анджей еще раздумывает, у кого взять, а кого послать подальше. Одних слезливых импортных дураков до фига. Все на задницы падают и потные гульденны нороят всучить. Озолотимся!

– Надо же. Что-то не очень верится.

– Сама увидишь. Анджей – это турбина по всасыванию денежек. Он кого угодно обрабатывает.

– Я видела.

– Как тебе пробы?

– Веселее не придумаешь. Над актрисулями так же издевались?

– Нет, там все было пристойно, старые же люди. Главной героине шестьдесят пять лет.

– Что ты говоришь!

– Слыхала, была такая актриса, Татьяна Александрова?

Я вздрогнула и на секунду прикрыла глаза, чтобы не потерять сознание. Я знала одну роскошную суку по фамилии Александрова. Только ее звали Анной: имя, самое нейтральное для убийства... Под этим именем, как под толщей воды, долго прятали меня самое. Прошлое не отпускает, оно и здесь настигло меня, оно скалит зубы из любого угла, даже великий фокусник Братны не поможет...

– Что с тобой? – участливо спросил дядя Федор. – Тебе плохо?

– Нет-нет, все в порядке. Так что эта актриса? – Я старательно избегала фамилии, мне еще придется столкнуться с ней, и нужно хотя бы подготовиться к этому.

– Я и сам ничего о ней не знал, преданья старины глубокой. На каком только погосте ее Анджей отрыл, ума не приложу. А когда-то была звездой, все Политбюро в наманикюренных лапках держала, мощная старушонка. Кто теперь об этом помнит? Вот они, превратности

фортуны, невыносимая легкость бытия. «Сик транзит gloria мунди».¹ Да что с тобой? Может, коньячку плеснуть для расширения сосудов?...

– Не нужно.

– Смотри... Странно, что ты ничего о ней не знаешь... Извини за бестактность, сколько тебе лет?

– Много, – устало сказала я.

– Сорок? Сорок пять? – На большее он не решился.

– Примерно.

– Ничего, что я на «ты»? – Дядя Федор ухватил в горсть свой собственный нос и вопросительно уставился на меня.

– Ничего.

Должно быть, я действительно очень сдала за последнее время, да и моя седина может ввести в заблуждение кого угодно...

– Наверное, в молодости у тебя была уйма поклонников, – решил польстить мне дядя Федор.

– Они все умерли. – На этот раз я сказала правду.

– Ну, ничего, в сорок пять баба ягодка опять. Найдем тебе подходящего старичка из числа матерых эпизодников. Здесь такого добра навалом – на все случаи жизни. Все кафе засидели, как мухи.

– Федор, – я предупредительно подняла палец, – не зарывайся!

– Все, больше не буду. Лучше выпьем за процветание отечественного кино!..

* * *

...– Это ты, Ева? – как всегда, встретил меня Серьга, стоило мне только открыть дверь.

– Да. Это я. – Отныне никаких псевдонимов, ежедневные игры в актрис закончились так же внезапно, как и моя прежняя жизнь в качестве работницы видеопроката. Не будет больше ни Анук Эме, ни Роми Шнайдер, ни даже соблазнительной дурочки Мэрилин.

– Ты почему так долго?

– Мне нужно кое-что сказать тебе, Серьга. – Его необходимо подготовить к переменам в моей жизни, неизвестно, как отнесется маленький мариец к моей начинающейся карьере ассистента.

– Что случилось? – Неистребимый марийский акцент, мягкое «щ» моментально вылезли наружу – Серьга насторожился. Я нечасто баловала его такими заявлениями.

– Давай пообедаем, а потом я тебе все расскажу.

Пока я готовила обед, Серьга мрачно крутился вокруг меня на своем кресле, выписывая самые невероятные виражи. К еде он так и не притронулся и трижды мстительно уронил ложку. Каждый раз я молча поднимала ее, аккуратно мыла и снова совала Серьге в руки. После четвертого раза моя кротость дала трещину.

– Если не хочешь есть – так и скажи.

– Не хочу. Этот хрен Бубякин тебя подснял, я так и знал. Этим и должно было кончиться. Кому охота возиться с инвалидом и делать вид, что периодически впадаешь в нирвану.

– Не говори глупостей.

– Странно, что ты вообще так долго продержалась.

– Я никуда не ухожу.

– Тогда что такого ты хотела мне сказать?

¹ Так проходит слава мира (лат).

– Я получила работу. У Анджея Братны. Ассистент режиссера по работе с актерами. Как тебе такой поворот сюжета?

– Фиговый поворот. Мне не нравится.

– Там хорошо платят.

– И запугивают тоже хорошо, в укромном уголке под лихтвагеном. Знаю я все эти киношные штучки, сплошная порнуха, – склочно заявил Серьга, – и вас, баб, знаю как облупленных.

– Нам нужны деньги.

– Птицам деньги не нужны, – продолжал упрямыться Серьга.

– Я делаю это ради нас с тобой. – Это было почти правдой, если не учитывать мой собственный, внезапно возникший острый интерес к Братны. – Подкопим денег... Мы же хотели съездить к тебе домой летом. – «Домой летом» было убийственным аргументом, сразу же разрушившим хлипкую оборону Серьги.

Многочисленная родня Серьги, долгое время сидевшая на его тонкой жилистой шее, в одночасье потеряла кормильца и теперь влачила жалкое существование в глубине марийских лесов. Бедственное положение родственников сводило Серьгу с ума, но ничем помочь им в нынешнем своем состоянии он не мог. Мало того, его увечье каким-то странным, языческим образом подточило весь род Каныгиных: его сестра, так удачно вышедшая замуж за непьющего агронома, медленно угасала от лейкемии, дядька потерял правую руку на совхозной лесопилке, а двоюродный братан Борыша угодил в колонию за мелкое хулиганство.

– Ну, раз пошла такая пьянка, я тоже должен тебе кое-что сказать. Хотел сюрприз сделать, да ладно... Гошка Полторака меня на службу пристраивает.

Я удивилась, что впечатлительный, непорочный, как голубь, режиссер-документалист все еще жив, и искренне порадовалась за Гошку.

– Больше не буду виснуть мертвым грузом на твоих шейных позвонках...

– Серьга!..

– Молчу-молчу. Ты знаешь, что он снимал последние полгода? Службу телефонной помощи самоубийцам.

Теперь страсть чернушника Полторака к суициду становилась более-менее понятной: с кем поведешься, от того и наберешься...

– Я думала, что самоубийцам уже ничто не может помочь.

– Ладно тебе, юмористка! Словом, захотел человечек из окошка сигануть, но сомневается, нужно ли это делать в отсутствие благодарных зрителей. Тогда он снимает трубочку, набирает номер и пристраивается к слушателям...

– Господи, Серьга, откуда такой цинизм?

– Не цинизм, а правда жизни... Ну а там нашего человечка вполне профессионально от этого черного дела отговаривают, шепчут на ухо: ваша жизнь еще нужна мировой революции, а если будете бузить – похороним вас за церковной оградой...

– И срабатывает?

– Когда как. Это вообще кризисный центр, пара-тройка престарелых сучек с высшим психологическим образованием... Внучатым племянникам носки вяжут, а между делом с людьми о превратностях судьбы базарят, рекомендуют вместо петли дешевый египетский курорт Хургаду.

– Ну а ты туда каким боком?

– А Гошка рассказал про меня, что есть такой замечательный слепой инвалид, который от жажды жизни изнемогает и полон сдержанного оптимизма.

Я не удержалась и поцеловала Серьгу в макушку.

– Вот только приставать ко мне не надо... Ну, и еще задвинул – сказал, что я благотворно влияю на людей и вообще большой забавник.

– Откуда ты только таких слов понабрался, Серьга?

– Радио слушаю... В общем, они заинтересовались и собираются меня пристроить в службу. После соответствующей подготовки, конечно. Усвою что-нибудь из психологии, нужную литературу проштудирую и буду людей спасать. Все лучше, чем по квартире километры накручивать в гордом одиночестве... Как тебе такая мысль?

– Это главная мысль дня, друг мой.

– А ты, значит, в кибенематограф подалась?

– Что-то вроде того.

– Ну, и как тебе этот режиссеришка?

– Еще не знаю. Похоже, он тоже большой забавник, – я постаралась уйти от ответа как можно элегантнее, – но, главное, у нас будут деньги...

Остаток дня я рассказывала Серьге о студии, о дурацком рабочем названии картины, о кинопробах, которые так изящно провел Братны, об актерах, которые были отбракованы совершенно замечательным образом. Серьга слушал меня с ревнивым любопытством непосвященного: после окончания ВГИКа он ни разу не работал в большом кино, хотя и имел диплом художника-постановщика. Я довольно живо описала все, за исключением клептоманских замашек Братны: они могли потрясти хрупкое воображение Серьги. Серьга Каныгин был безнадёжно честным человеком.

– По-моему, ты в него втюрилась, – кратко резюмировал он, когда я закончила свою сагу о первом дне пребывания на «Мосфильме», – придется его удавить...

– Давай не будем этого делать, лучше отдадим Братны на растерзание мировому кинематографу. Хочешь, я тебе почитаю?

– С сегодняшнего дня никаких детективов, – вкусы Серьги заметно эволюционировали, – только Дейл Карнеги и Эрик Берн. «Игры, в которые играют люди»... Мне Гошка сегодня принес, чтобы я не расслаблялся.

...На второй странице скучнейшего Карнеги Серьга благополучно отрубился: всем психологическим экзерсисам он предпочитал здоровый сон. Передо мной замаячил призрак еще одной бессонной ночи, но теперь я не боялась его. Слишком сильны были впечатления, слишком кардинально изменилась моя жизнь. Да и потом – мне было чем заняться: папка со сценарием «Забыть Монтсеррат» лежала рядом с моей кроватью. К завтрашним пробам я должна быть во всеоружии. Семьдесят страниц текста, стандартный объем, при желании его можно прочесть за час. Когда-то я и сама занималась сценариями, наши с Иваном первые опусы похоронены где-то на кафедре киномрамурии ВГИКа... Наши преуспевшие в соцреализме мастера натаскивали нас на ремесло, как фокстерьеров на лисиц: никаких авторских поллюций – только завязка, кульминация, развязка. Интересно, что могла написать воинствующая непрофессионалка Ксения Новотоцкая?...

...Вместо часа я просидела над сценарием всю ночь.

Нельзя сказать, что он поразил меня, скорее – оставил чувство смутного беспокойства и смутной зависти. Это была странная история взаимоотношений очень старой женщины и очень молодого человека. И очень старых вещей, окружавших женщину. Очень старых и очень ценных. (В этой роли я моментально увидела горы антиквариата, которые Братны выманил у бедных московских старух. Во главе колонны шел, конечно же, Тулуз-Лотрек.) Молодой человек, изобретательно втершийся в доверие к старухе, потихоньку освобождал ее от ценностей – самым примитивным, самым бессовестным образом. Лишенная вещей старуха лишилась и прошлого: теперь ей не для чего было жить. После тихой смерти героини вещи вдруг начали мстить за хозяйку – каждая из них привела за собой целый ряд сюжетных поворотов, превративших сытенькую жизнь молодого человека в крошечный ад. Здесь заканчивалась нравоучительная мелодрама и начинался триллер. Размашистый, динамичный, эстетски кровавый и не лишенный философской подоплеки. Все написанное могло послужить основой для очень кас-

сового фильма, если бы... Если бы я не знала возможностей Анджея Братны. Только он один может сделать из этого настоящий шедевр, заполнить пространство кадра воздухом и заставить играть задний план. Только он один может вложить в частную полукриминальную историю ответы на глобальные вопросы человеческого бытия.

Название сценария дала пластинка Монтсеррат Кабалье, которую слушала старуха перед тем, как умереть.

* * *

– ...Ознакомилась? – спросил меня Братны на следующее утро, когда я вернула ему сценарий.

– Да.

– Вот и отлично. – Он даже не поинтересовался моим мнением о качестве написанного, еще бы, много чести – искать у мелких сошек подтверждение своей гениальности. – Впрягайся в работу. Нас ждут великие дела.

И я впряглась в работу. Хотя работой участие в проекте Братны можно было назвать лишь с большой долей условности. Скорее это было похоже на большое приключение, фильм в фильме, где каждый участник съемочной группы был колоритным, не лишенным изюминки персонажем. Я ни с кем по-настоящему не сблизилась, за исключением дяди Федора: мы были последними патронами в обойме, ассистентами ассистентов, и, по определению, должны были держаться вместе. Дядя Федор рассказал мне много любопытного о каждом из киношников: это были только его умозаключения, которые не мешало бы подкрепить моими собственными. Собственные аналитические построения – этим я и занималась весь остаток подготовительного периода: до начала съемок оставалась ровно неделя.

Съемочная группа фильма «Забыть Монтсеррат» была самой странной группой за всю мою недолгую историю пребывания на «Мосфильме», во всяком случае, так казалось на первый взгляд. Все это время меня не покидало ощущение, что случайный выбор непрофессионалов не был таким уж случайным, что, помимо подготовки к съемкам, существует еще один, скрытый от посторонних глаз, род деятельности.

Мой уставший от долгого безделья и апатии мозг с энтузиазмом включился в сортировку и отбор данных по каждому из персонажей – маленькая, ничем не приметная должность располагала к этому. Самыми безобидными казались собственно киношники – главный оператор Серега Волошко и главный художник Володя Трапезников, в просторечии Вован. Пятидесятилетний Вован был колоритнейшей личностью: он закончил Академию художеств, начинал как авангардист, потом ударился в православие и даже получил благословение митрополита на занятия иконописью. Но вся православная эпопея закончилась тем, что Вован умыкнул в одном из монастырей пару икон семнадцатого века. Иконы благополучно уплыли за рубеж, простодушный Вован был предан анафеме и, спасаясь от уголовного преследования, уехал в Самарканд. Там он занимался реставрацией комплекса Эль-Регистан и мавзолея Гур-Эмир. Он уже не мыслил себя вне какой-либо религии и там же, в Самарканде, принял ислам. Соблюдение всех предписаний ислама, в том числе и пятикратного ежедневного намаза, не помешало, однако, Вовану проявить свои незаурядные способности: он исподтишка приторговывал специально обработанными костями животных, выдавая их за мощи Тимура. Доверчивые иностранные туристы охотно покупали их по баснословной цене, и за короткое время Вован сколотил неплохое состояние, не забывая при этом о «закяте» – налоге на имущество и доходы в пользу мусульманской общины: Вован искренне старался задобрить Аллаха. Но и здесь Трапезникова ждала неудача – афера с мощами вскрылась, и Вован едва унес ноги из Узбекистана. Следующим этапом был буддизм (Вован прыгал по мировым религиям, как по женским постелям). На некоторое время Трапезников обосновался в Индии, в месте просветления Будды, – Южном

Бихаре. Потом были Горакхпур (Кушинагара, место ухода Будды из мира) и Лумбини (место его рождения в Непале). После нескольких лет самосовершенствования неофиту Трапезникову удалось достигнуть второго уровня учения Будды. Но на подступах к третьему уровню на горизонте художника-буддиста появилась смазливая исполнительница народных танцев из народности «кота». С ней Трапезников пустился во все тяжкие и, пока танцовщица выступала на делийских базарах, крал кошельки в толпе. В Индии Вован подцепил страсть к опиуму, лихорадку и еще целый букет экзотических болезней и спустя пять лет вернулся на родину совершенно разбитым старым человеком. Увлечение религией не прошло даром – теперь его религией стала опиумная трубка. Он экспериментировал с различными наркотиками растительного происхождения, добываясь совершенно неожиданных психоделических эффектов. В состоянии легкого наркотического опьянения он пребывал все время, под воздействием опиума делались раскадровки к фильму. Вован писал только пастелью, масло он считал слишком тяжелым материалом для творчества. Его безумные опиумные работы вдохновляли Братны, он считал Трапезникова великим художником и великим генератором идей. Даже на площадке рядом с Вованом толклись небритые таджики (они привозили Трапезникову анашу), сомнительные афганцы (они привозили Трапезникову героин) и вежливые индусы (индусы отвечали за опий-сырец). Иногда распоясавшийся Вован требовал «марочку» с ЛСД – для этого случая предусмотрительным Братны были заготовлены респектабельные голландцы.

После тяжелых синтетических наркотиков Вован исчезал на несколько дней, отлеживался у себя в берлоге на «Кантемировской», и тогда за ним отправляли кого-нибудь из съемочной группы: не помер бы старичок. Несколько раз к Трапезникову ездили мы с дядей Федором: меня поразил дом Вована, похожий на православный храм, мечеть и буддистский дацан одновременно. Предметы различных культов мирно уживались друг с другом: никаких «джихадов», никаких крестовых походов во имя веры. И над всем этим гигантским алтарем витал веселый дух пуэрто-риканского борделя. Каждому из гостей Трапезников предлагал кальяничик с опиумом. Как правило, никто не отказывался...

Главный оператор Серега Волошко был обычной рабочей лошадкой («запаршивевшим мерином с уклоном в сюрреализм», как он сам называл себя) и обладал типичными операторскими пороками: неумеренной страстью к выпивке и беспорядочным половым связям. Серега мог синтезировать спирт из чего угодно, включая совершенно безобидный напиток «Байкал». Казалось, любая жидкость, на которой останавливался его пристальный операторский взгляд, моментально обретала сорокаградусную крепость. Его несколько раз на спор закрывали в абсолютно пустой монтажной, и там в течение каких-нибудь сорока минут он умудрялся в стельку напиться: причем никаких следов водки обнаружить не удавалось ни до, ни после эксперимента. При всем этом он оставался классным оператором и любимцем всех без исключения проявщиц из цеха обработки пленки.

Братны привел в команду и своего композитора, обрусевшего болгарина Богомила Стоянова. Стоянов делал с Братны первую картину и автоматически переключался во вторую. Кассеты с его музыкой ходили по рукам, это была дьявольская смесь духовных песнопений южных славян и панк-рока. Да и сам Богомил очень сильно смахивал то ли на отяжелевшего престарелого панка, то ли на бездомного бродягу из Южного Бронкса.

В пантеоне творческих божков была только одна женщина – художница по костюмам Леночка Ганькевич. Совсем недавно она была преуспевающим модельером, успела поучаствовать в нескольких неделях высокой моды и даже организовать свой собственный, весьма престижный Дом моделей. Молодой русской экстремистке с восхитительно авангардными идеями предложил сотрудничество сам Лагерфельд. Но Леночка наплевала на свою карьеру, как только столкнулась с безумцем Анджеем Братны. Об их встрече в группе ходили легенды. Братны вместе с одуревшим от опиума Вованом Трапезниковым как-то посетил один из ее летних показов. Проковырявшись в носу целый вечер и во всеуслышание обхавив пару моделей, он

удалился из зала. В узком коридорчике, примыкающем к подиуму, Вован и Братны зажали одну из манекенщиц. И пока Трапезников держал несчастную девушку за руки, Братны шариковой ручкой написал на ее обнаженной спине послание модельеру. Это было стандартное предложение «НАЩЁТ КИНОШКИ», с тем же неотразимым обилием грамматических ошибок. Братны предлагал Леночке Ганькевич наплевать на «гнилой модельный бизнес, отрывку капитализма» и приложить ухо к вечности. В качестве вечности выступал сам «ВИЛИКИЙ РЕЖИСЁР». Заключительным аккордом явилась сакраментальная фраза: «ЗАКАЖИТЕ МНЕ ТОЖЕ ЧТО И СИБЕ». Самым удивительным было то, что самоуверенная, избалованная вниманием модельерша клюнула на этот дешевый трюк. После показа они поужинали в «Метрополе» (за счет Леночки, разумеется), а на следующий день она уже числилась скромным художником по костюмам фильма «Забыть Монтсеррат» – чертов Братны остался верен себе, он кадрил людей с третьей космической скоростью.

На скорую руку подписывая соглашение с художницей, Братны даже не подозревал, что приведет на съемочную площадку не очередного фанатика его идей, а безумно влюбленную женщину. Леночка влюбилась в Братны со всем отчаянием внезапно вспыхнувшей страсти – это было видно невооруженным глазом. Ей сочувствовали все, даже Муза, питавшая к Анджею сходные чувства. Циничная гашишница Светик, сидевшая в административной группе, вообще считала Леночку идиоткой, которая похерила карьеру ради заведомо проигрышного варианта. Любить Братны, а тем более добиваться от него взаимности было занятием бесперспективным: никаких романов, никаких связей, полная стерильность отношений, как раз в духе Иисуса Христа. Нет, у Леночки не было конкуренток, как не было конкуренток ни у одной женщины. Братны был со всеми и ни с кем одновременно. Он любил всех и никого: окружающий мир он воспринимал как подсобный материал, не более. Его личная жизнь безумно интересовала меня именно потому, что никакой личной жизни у него не было. Ни жены, ни любовницы, ни собаки, ни хорька; никаких привязанностей в еде, выпивке и сигаретах, никаких любимых изречений на все случаи жизни, никаких милых слабостей. Отсутствие слабостей особенно настораживало: пройдя суровую школу ловца душ Лапицкого, я хорошо усвоила, что человека без слабостей не бывает.

Лишенное эмоций лицо Братны не обманывало – он был напрочь лишен каких-либо страстей. Даже не верилось, что он снимает такие сильные, такие глубокие картины (мне удалось посмотреть его первый фильм, и он раздавил меня своей мощью: ничего подобного я не видела никогда, хотя еще во ВГИКе исправно пересмотрела всю киноклассику). Он сам выступал продюсером своих фильмов, потому что сам добывал деньги для них, – казалось, он без усилий достанет любую сумму. Он мог залезть в карман присмирившему спонсору и вытащить у него бумажник – и все сходило ему с рук. Он мог выманить у доверчивой старухи настоящее жемчужное ожерелье, чтобы тотчас же отдать его замотанной монтажнице или подвернувшемуся под руку осветителю – очередной широкий жест, «считайте, что это мой подарок ко Дню ракетных войск и артиллерии»...

Братны был похож на всех своих полубезумных персонажей сразу. На разведчика, не запасшегося легендой; на человека либо никогда не существовавшего, либо *бывшего всегда*, с начала времен (я почему-то склонялась к последнему варианту). Никто в группе даже не знал, где он живет, за исключением разве что его директора, Андрея Юрьевича Кравчука.

Кравчук резко контрастировал со всей полубогемной киношной тусовкой Братны: никаких свитеров, никаких джинсов, никаких слюнявых поцелуйчиков, никакого портвейна после смены. Очень дорогой, отлично пошитый костюм, лобастая голова волкодава, обстоятельная короткая стрижка работника спецслужб, цепкие, глубоко посаженные глаза. Сугубо штатский прикид не мог скрыть его прошлого: до начала девяностых Кравчук работал в одном из головных подразделений КГБ. Затем началась реорганизация органов, и Кравчук уволился в запас. Склонный к преувеличениям дядя Федор шепнул мне, что он ушел в отставку в чине гене-

рал-майора, но Кравчук тянул только на подполковника, не больше. Но это не помешало ему, используя старые, еще кагэбэшные связи, заняться бизнесом, иногда не совсем легальным. Он долго сидел на цветных металлах, очень хорошо на этом поднялся и успел вовремя соскочить с темы. Последние годы он отошел от всех дел и тихо заправлял сетью небольших кафе. Самым известным кравчуковским заведением был «Попугай Флобер», уютное гнездышко недалеко от Мосфильмовской улицы.

Как Кравчук прибил к Братны и стал директором его съемочной группы, не знал никто. Скорее всего Братны забрел в «Попугай Флобер», харкнул в остывшее чахохбили (Кравчук, украинец по национальности, был родом откуда-то с Кавказа и души не чаял в тамошней кухне), переколотил посуду, потребовал жалобную книгу и записал там свою обычную тираду «НАЩЁТ КИНОШКИ»...

Вместе с Кравчуком в съемочную группу пришли и его мальчишки-телохранители, осевшие на мелких должностишках всевозможных ассистентов, помощников звукорежиссера и водителей. Они же выполняли функции охраны: ежедневно через Братны проходили немалые суммы денег (все это шло на аренду павильонов, съемочной техники и оплату услуг, которые предоставлял «Мосфильм». А здесь предпочитали наличные).

Люди Кравчука были удивительно похожи на всех оперативников и боевиков сразу – это был один и тот же психологический тип. Что делают они в мирной, немного расхлябанной съемочной группе, оставалось для меня загадкой – правда, не самой интригующей на сегодняшний день. Гораздо больше меня интересовали сам Братны и его окружение: почти в каждом из этих людей было какое-то двойное дно, какая-то тщательно оберегаемая тайна, какой-то скрытый порок, какая-то червоточина. Школа аналитического спецпитомника Кости Лапицкого, о которой я так страстно, так безнадежно пыталась забыть, давала знать о себе: я с трудом подавляла желание проследить за киношниками после работы – наверняка вскроется что-нибудь из ряда вон выходящее. И Вован Трапезников окажется крупным наркодилером, звукооператор Шуренок Вепрев – удачливым сутенером, а гримерша Ирэн – профессиональной отравительницей.

О том, как я вытащила «Паркер» у Братны, я так ему и не рассказала...

* * *

...Я увидела давно забытую кинозвезду Татьяну Александрову («урожденная Святополк-Мирская, последняя из княжеского рода, можете себе представить, только тс-с, не стоит об этом распространяться») в первый день съемок. Это была высокая, очень некрасиво составившаяся женщина, никакого намека на былую славу, мужа-генерала («в наше время высший генералитет предпочитал актрис с хорошими вокальными данными и маленькими родинками над верхней губой, только тс-с, не стоит об этом распространяться»). Она доживала свой век в запущенной маленькой квартирке на окраине Москвы, всеми брошенная и опустившаяся. Сквозь чудовищно окрашенные хной волосы просвечивала пергаментная кожа, губы стерлись и потеряли очертания, на выпирающих ключицах болтались старенькие бусы – полная дешевка, жалкая имитация речного жемчуга.

Ее появление произвело на жизнерадостных щенков из группы Братны тягостное впечатление. Такое тягостное, что молоденькая впечатлительная актриса Даша Костромеева (в фильме ей была отведена роль подружки главного героя) расплакалась и потребовала сто грамм коньяку, чтобы прийти в норму. Женщина не может, не имеет права жить так долго, уныло думала я, отпаивая Дарью коньяком (следить за самочувствием актеров тоже входило в обязанности ассистента, так было заведено Братны с самого начала).

– Я ее боюсь. Старая ведьма, – причитала Даша, постукивая зубами о край стакана.

– Ничего страшного, – успокоил ее меланхоличный весельчак дядя Федор, давно мечтавший переспать с хорошенькой статисткой. – Через несколько десятков лет увидишь в зеркале то же самое.

– Ты, как всегда, любезен, Федор, – поморщилась Даша, – умеешь утешить женщину.

– Если переспишь со мной, обязуюсь утешать тебя до конца дней.

– Твоих или моих? – Костромеева привыкла к откровениям дяди Федора и потому реагировала спокойно.

– Думаю, что ты умрешь раньше. Старость для актрисы – смертный приговор, что-то вроде гильотинирования, ты сама это видишь, моя прелесть. Ну, так как, переспишь со мной, пока не вышла в тираж?...

Я оставила вяло пикирующихся молодых людей и целиком сосредоточилась на бывшей кинозвезде. Нет, она не была такой уж старой, в чудом сохранившейся карточке из архивов актерского отдела значился год ее рождения – тысяча девятьсот двадцать пятый, в этом возрасте, да еще обладая сильным характером, можно неплохо выглядеть. А в том, что Александра в свое время была выдающейся личностью, у меня не было никаких сомнений. Она пережила четырех мужей (все в чине от генерал-майора до генерала армии), была любовницей давно почивших в бозе начальников отделов ЦК, двух американских дипломатов и одного британского атташе по культуре. Связь с иностранцами сходила ей с рук, как и многое другое: в молодости, в конце сороковых, она была чертовски породиста и чертовски талантлива. Она блистала в музыкальных комедиях и фильмах-ревью, но потом неожиданно потеряла голос – и ее карьера сошла на нет. Быстрая и ослепительная слава сменилась такой же быстрой и ослепительной безвестностью: вот этого-то она и не смогла простить себе самой. Это увядшее, безобразное лицо записной алкоголички, эта морщинистая, как у варана, шея – она как будто бы мстила своей собственной, предавшей ее популярности...

И все же я не могла оторваться от лица старухи: в этом презрении к себе самой, в яростном нежелании хоть как-то облагородить свой почти непристойный закат было что-то завораживающее.

– Нравится? – Появившийся за моей спиной Братны почти испугал меня.

– Что?

– Старуха.

– Не знаю.

– Брось ты. Я за тобой давно наблюдаю. Ты же глаз от нее отвести не можешь. Пялишься на нее, как будто это не пожилая женщина, страдающая диабетом, а самец со взопревшими яйцами. Что и требовалось доказать. Со старушонкой я попал в точку. Нет ни одной старой стервы, которую Господь Бог скроил бы лучше.

– Мог бы найти кого-нибудь не такого отталкивающего. – Впервые за месяц я почувствовала раздражение: все-то ты знаешь, Анджей Братны, первый отличник в небесной канцелярии.

– Скажу тебе то, что ты и сама понимаешь, ты же умная женщина, Ева. *Красоту еще никому не удавалось запомнить.* Красота – стандартная вещь, ничего выдающегося, а вот некрасивость – это штучный товар, это промысел Божий. Никаким стандартам она не подчиняется. Красота не может совершенствоваться, ее удел – увядать. А уродство может оттачиваться годами, оно только крепнет с возрастом, как хорошее вино. И иногда доходит до совершенства. Но это уже другой вид совершенства. Высший. Кстати, одна интересная деталь... Знаешь, как назывался ее дебютный фильм? «Красавица из предместья». Чем не ответ на все вопросы, просто и со вкусом...

Любуясь старухой, Анджей отступил на шаг и едва не споткнулся о кабель, который тянул один из осветителей, приветливый молодой человек, вечно жующий соленый арахис. Кажется,

его звали Валерой, но он предпочитал откликаться на имя Келли. Что оно означало, не знал никто.

Келли поддержал Анджея, а я злорадно улыбнулась: ничто человеческое тебе не чуждо, Братны, вполне мог упасть и разбить себе гоноровый шляхетский нос. И кровь у тебя оказалась бы того же цвета, что и у простых смертных.

– Красотка из предместья, – ни к кому не обращаясь, тихо сказал Келли.

– Что? – Анджей вопросительно посмотрел на него.

– Красотка, а не красавица. Фильм назывался «Красотка из предместья», – повторил осветитель.

– Ну да. Именно. «Красотка из предместья». Это звучит даже лучше, хотя и не в духе соцреализма, – воодушевился Братны.

Осветитель со своим кабелем побрел дальше, и Братны тотчас же забыл о нем. Неплохая у тебя группа, Анджей Братны, если твои осветители знают то, чего не скажет навскидку даже дипломированный киновед, пожалуй, я недооценила ее профессиональные качества...

– Не хочешь взглянуть, как из нашей египетской мумии будут делать кинозвезду, номинантку на «Оскар»? – подмигнул мне Братны.

– Она и есть кинозвезда, – рассудительно заметила я, мне вдруг захотелось защитить старуху. – И была ею задолго до того, как ты вылез на свет божий.

– Я – жертва непорочного зачатия, разве тебе не сообщили об этом мои биографы? – рассмеялся Братны. – Идем, получишь большое удовольствие.

Это было заманчивое предложение – такое же заманчивое и бесстыдное, как предложение заняться групповым сексом: Братны тщательно хранил свои профессиональные тайны. Но, неожиданно для всех ревнивцев из съемочной группы, у нас с Братны сложились совершенно особенные отношения. Я не знала, что послужило их катализатором: возможно, мой профессиональный воровской трюк с «Паркером», который так и не удалось повторить фартовому клептоману-самоучке Братны. Возможно, болтливый дядя Федор, информация в котором держалась не дольше, чем вода в сливном бачке, раззвонил всем о моих достижениях в восточных единоборствах – и это дошло до режиссера. Возможно, существовал третий вариант – Анджей выбрал меня в наперсницы только потому, что наперсники были необходимы ему для реприз и неожиданных откровений. Я была идеальным вариантом: слишком нейтральна, чтобы раздражать его, и слишком нейтральна, чтобы по-настоящему ему понравиться.

– Меня умиляют твои волосы, – сказал он мне как-то, явно намекая на мою седину. – Полное отсутствие схемы поведения, никакого собственного взгляда на мир.

Этот тезис застал меня врасплох, как заставляли врасплох все другие изречения безумного режиссера.

– По-моему, ты сильно во мне ошибаешься.

– Ничуть. Блондинка – это совершенно определенное мироощущение. Брюнетка, кстати, тоже. Они кардинально отличаются друг от друга. А ты кардинально отличаешься от них. По крайней мере, я это чувствую. – Он не пытался анализировать меня, как не пытался анализировать всех остальных, – просто выдавал готовые формулировки, снабжал человечество бирками, вот и все. Иногда они были довольно эксцентричными, но почти всегда – верными...

– Я не всегда была седой, – резонно парировала я.

– Всегда. Ты просто этого не замечала.

И в который раз я подумала, что он прав.

... Через пять минут мы уже были в гримерке. Анджей сунул меня в самый дальний угол и приложил палец к губам: сиди тихо, голубка, и смотри во все глаза, такого ты не увидишь нигде больше. Старуха Александрова уже сидела на стуле перед зеркалом – с неестественно прямой спиной и вытянутыми в шнурок губами. Глаза ее были закрыты. Я попыталась представить, о чем она думает, – и не смогла.

Кроме нас, в комнате находились еще двое: художница по костюмам Леночка Ганькевич, которая явно злоупотребляла своим служебным положением, чтобы лишний раз оказаться в поле зрения Братны, и волоокая гримерша Ирэн. У дяди Федора она проходила под кодовой кличкой «Мадам, уже падают листья». Ирэн была обладательницей пудровой груди и кроткого испуганного нрава. О ее истерической робости ходили легенды. Много лет Ирэн была замужем за известным студийным алкоголиком, актером-эпизодником Геней Перевертиным. Гена отличался патологической ненавистью к портвейну «Три семерки», сгубившему его карьеру, английским бульдогам и фильмам Вуди Аллена. Именно с Вуди Алленом и была связана трагедия Ирэн. Ирэн в отличие от мужа души не чаяла в маленьком очкастом еврее-интеллектуале и всех его персонажах. Ей даже удалось собрать небольшую видеотеку из его картин. Их просмотр был связан с риском для жизни, но Ирэн и дня не могла прожить без «Розы Каира» и «Ханны и ее сестер». Она прятала кассеты в разных местах, пока не соорудила для них тайник под ванной. Наличие видеотеки вскрылось совершенно случайно – пьяный Гена заснул в ванне, вода перелилась через край, затопила полквартиры, и маленький сундучок с кассетами выплыл из-под ванны прямо в лапы Перевертину. Кассеты были безнадежно испорчены, так же как и семейная жизнь Ирэн. Под вопли: «Ах ты, сука, променяла мужа на этого паскудного жида! Вот пусть он теперь тебя и содержит!» – Ирэн была изгнана из дома, получила развод и теперь находилась в свободном поиске нового спутника жизни. Несколько раз она давала брачные объявления в газеты с обязательной характеристикой потенциальных кандидатов: «поклонник творчества Вуди Аллена». Стрелы шли мимо цели, за все время откликнулся только один женишок – из колонии строгого режима в Брянской области. Бывший же муж Гена Перевертин периодически подбрасывал ее мятые цидулки с одним и тем же текстом: «Сидит жидок на лавочке, накопи жидка на булавочку!» Но Ирэн не теряла надежды и оптимистического взгляда на мир, на другом конце которого существовал ее обожаемый Вуди Аллен. Даже гений Анджея Братны не смог перешибить эту болезненную страсть. В конце концов ей все же улыбнулась судьба – она выскочила замуж за Яшу Кляузера, сапожника из мосфильмовского обувного цеха. Кляузер в отличие от своих соплеменников был флегматичен, как финский хуторянин. Это не мешало ему, однако, выловить Гену Перевертина в ближайшей к «Мосфильму» пивнушке, избить актера до полусмерти и заставить сожрать на глазах у посетителей все до единой записки с «жидком», любовно сохраненные Ирэн. Кроме того, Яша отнесся к Вуди Аллену с мягкой снисходительностью – прихоть жены, что же тут поделаешь. Ирэн была счастлива.

Несмотря на наличие в голове крупных нью-йоркских тараканов с высоким коэффициентом интеллектуального развития и склонностью к психоанализу, гримерша превосходно знала свое дело. До Братны она успела поработать со многими известными режиссерами, стареющие кинодивы обожали ее – только она была их союзницей, только она могла скрыть их предательские морщины и мешки под глазами.

Теперь же, судя по всему, происходил совершенно обратный процесс. Ирэн, под чутким руководством Братны, вот уже сорок минут колдовала над лицом старухи. Затаив дыхание, я наблюдала, как меняется, как еще больше стареет лицо Александровой: вот оно прожило еще год, еще пять, еще десять лет... Вот его коснулось легкое дыхание последней минуты, и оно превратилось в посмертную маску – холод пробежал по моему позвоночнику, я испугалась, что ее лицо так и останется посмертной маской... Но Анджей и Ирэн благополучно прошли нижнюю точку и снова воскресили старуху к жизни. Но теперь это было совершенно другое лицо – бесстрашное лицо человека, побывавшего *по ту сторону* бытия и вернувшегося. Режиссер и гримерша только подчеркнули старость, они подняли ее до символа, до абсолюта. Когда работа над лицом была закончена, в гримерке воцарилась тишина, даже сама Ирэн была поражена результатом: я видела, как дрожали ее руки.

– Спасибо, Ирэн. – Анджей осторожно обнял ее за плечи и поцеловал в жесткое, почти мужское ухо. – Спасибо. Это то, что нужно. Никто не сделал бы лучше.

Я услышала, как тоненько всхлипнула впечатлительная Леночка. Или она только продублировала сдавленное рыдание, чуть не вырвавшееся из моей собственной груди?...

Анджей нагнулся к Александровой, бесстрастно взиравшей в мутную поверхность зеркала.

– Вам нравится, Татьяна Петровна?

Несколько секунд Александрова молчала, а потом, пожевав губами, сказала бесцветным голосом:

– Да. Это все, что я хотела знать о старости и смерти...

– Тогда пойдемте. Нас уже ждут.

Он помог старухе подняться, и они вышли из гримерки, оставив нас троих – оглушенных и очарованных.

На пороге Анджей обернулся и подмигнул нам:

– Не задерживайтесь, девчонки, я жду вас на площадке. Самое главное только начинается, и оно вам должно понравиться.

Мы остались одни. Леночка выбила из пачки три сигареты и протянула нам. Она курила только «Парламент» с угольным фильтром и славилась тем, что никого и никогда не угощала своими дорогими сигаретами.

– Он сумасшедший, – затягиваясь, сказала Ирэн после долгого молчания, – опасный сумасшедший. Чего доброго, весь мир обратит в свою веру...

– Он гений, – тихо поправила Леночка, – он сможет обратить.

– Это одно и то же. Вуди Аллен...

– Да пошла ты со своим Вуди Алленом!.. – Леночка махнула рукой и выскочила из гримерки.

Мы с Ирэн потянулись за ней.

* * *

...И едва успели на торжественный момент начала съемок. В благоговейной тишине сценаристка Ксения Новотоцкая по старой кинематографической традиции разбила о камеру блюдо. Это было блюдо из старинного китайского фарфора династии Тан, купленное у ночного сторожа Музея Востока за бешеные деньги, – Анджей и здесь остался верен своим широким жестам.

...Мне достался маленький осколок – тонкий и прозрачный, как лист бумаги.

В первый съемочный день Братны работал только со старухой и ее вещами. Вся его легкость куда-то подевалась, на съемках он оказался настоящим деспотом. Дубли следовали один за другим – Анджей добивался максимального соответствия происходящего своим собственным представлениям. К концу смены группа была полностью вымотана. Вся, за исключением самого режиссера и старой актрисы. В руки Братны действительно попал уникальный человеческий материал: на площадке Александрова творила чудеса. Уже потом стало ясно, что никакого чуда нет, – она играла себя самое, тихое благородство, сдержанное увядание, исповедь перед концом. Первое впечатление от Александровой испарилось как дым: не было ни крашенных хной волос, ни стертых губ; Братны вернул ей достоинство, потерянное где-то между пятьдесят первым и пятьдесят восьмым годами. Теперь она была, пожалуй, даже красива. В коротких перерывах на кофе и сигареты актриса и режиссер уединялись и о чем-то тихо разговаривали. Я видела, как несколько раз Анджей коснулся пальцами дряблой щеки Александровой – это был жест по-настоящему влюбленного человека. Впрочем, за ними наблюдала не

только я одна: несколько раз я наткнулась на потемневший от ревности взгляд Леночки Ганькевич.

– Ты посмотри, что он делает с этой старой сукой, – шепнула мне Леночка дрожащими губами, – просто два голубочка. Противно смотреть.

– Это работа. – Я попыталась успокоить ее.

– Это извращение! Он извращенец, я так и думала.

– Режиссер и должен быть влюблен в свои персонажи, иначе никакого кино не получится.

– Не говори глупостей... Если бы... Если бы он хоть раз подошел ко мне вот так.

– Переквалифицируюсь в актрисы, – посоветовала я.

– Господи, почему я согласилась работать в этой клоаке! – в сердцах сказала Леночка и тихо добавила: – Но я ничего, ничего не могу с собой поделать...

– Все будет хорошо.

– С ним ничего не будет хорошо. *Он разрушает, он сжигает твою душу*, неужели ты до сих пор этого не поняла? *Он забирает твою душу себе...*

...После окончания смены тут же, в павильоне, началась грандиозная попойка. В ней принимала деятельное участие вся группа под предводительством Сереги Волошко и Вована Трапезникова. Братны не поскупился и здесь: инкрустированные перламутром ломберные столы из реквизита ломились от дорогих коньяков, ликеров, шампанского, мартини и настоящего французского вина (последним приобретением Братны был какой-то французский спонсор-винодел из Брив-ла-Гайарда). Сначала все сидели тесной компанией и дружно выпивали за режиссера, актеров, директора съемочной группы и группу вообще, киноискусство вообще и отечественный кинематограф в частности, за доверчивых идиотов-спонсоров, за председателя Госкино Армена Медведева, не выдавшего на фильм ни копейки. И почему-то за Шарля Азнавура.

Братны и Андрей Юрьевич Кравчук уехали после первого бокала шампанского – им нужно еще было отвезти домой Александрову. Вся троица незаметно удалилась из павильона, причем Братны нежно поддерживал старушку под локоток. Леночка, старавшаяся и здесь быть поблизости от предмета обожания, проводила их не предвещающим ничего хорошего взглядом.

Обезглавленная и лишенная руководства группа сразу же распалась на несколько шумных компашек по интересам. Композитор-концептуалист Богомил Стоянов, плюнув на свое экспериментальное творчество, врубил на всю катушку пошлейшего Эроса Рамазотти. Дядя Федор не терял надежды обольстить очаровательную простушку Дашу Костромееву, которая от выпитого коньяка стала еще очаровательнее. Вован Трапезников учил непорочную гримершу Ирэн курить анашу и запивать ее водкой. Серега Волошко, первым напившийся вдрызг, мирно спал, положив голову на кофр. Я, с так и не допитым стаканом коньяка, медленно бродила по павильону среди съемочной техники и думала о том, что самая удивительная съемочная группа, лишившись своего режиссера, превратилась в банальность, общее место кинематографа.

...Я увидела мальчиков Кравчука совершенно случайно, в самом дальнем углу павильона, примыкающем к пологому подиуму: здесь, за железными воротами, был выезд на улицу. Сейчас ворота были приоткрыты, сквозь них проникал пронизывающий стеклянный холод ноябрьской ночи. К самому въезду был подогнан маленький грузовичок «Газель» с надписью на борту – «Киносъемочная». Парнишки сосредоточенно сгружали в грузовичок какие-то ящики. Эти ящики я уже видела в павильоне: в них – любовно упакованные и завернутые в вощеную бумагу – лежали антикварные цацки, которые Братны выманил у доверчивого населения. А вот и обратная сторона медали, грустно подумала я, как после этого верить тезису, что гений и злодейство несовместны?...

Основательно продрогнув, я отхлебнула коньяку и вернулась к съемочной группе.

Не доходя до юпитеров, которые освещали шумное и беспорядочное застолье, я услышала возню и придыхания за китайской ширмой (цветы лотоса, роспись лаком по черному дереву, императорская династия Цин, восемнадцатый век): в мои времена первый съемочный день тоже оканчивался беспорядочным адюльтером по-быстрому, вот только я никогда в этом не участвовала. А спустя несколько минут из-за ширмы показались трое: ассистент по съемочной технике Садыков, водитель Тема и Леночка Ганькевич. Парни на ходу застегивали джинсы, Леночка поправляла растерзанную блузку (шикарная вещь, ей так хотелось понравиться в ней Братны). Леночка в упор посмотрела на меня осатаневшим от алкоголя и грубых любовных ласк взглядом. Потом взяла у меня из рук недопитый стакан и опорочила его одним махом.

Смущенные парни моментально ретировались.

– Рекомендую, – Леночка проводила парней безразличным взглядом, – очень хорошо трахаются, до мозгов продирают. В сексе втроем есть своя прелесть.

– Я смотрю, лавры Эммануэль не дают тебе покоя.

– А тебе – лавры Арины Родионовны, – не осталась в долгу Леночка, – всех-то ты поучаешь, всем советы раздаешь, со всеми в хороших отношениях, старая сука!..

Под «старой сукой» она имела в виду меня, под «всеми» – Анджея Братны. И это было несправедливо.

– Не стоит так, – попыталась усовестить я Леночку, – я не сделала тебе ничего дурного.

– Конечно, ты не сделала мне ничего дурного. И *он* не сделал мне ничего дурного. Он просто не замечает меня. Как женщина я его не интересую.

– Думаешь, если ты перетрахаеть весь «Мосфильм» и прилегающие к нему улицы, он обратит на тебя более пристальное внимание?

– Ничего я не думаю... Нет, я думаю. Я думаю, что он импотент, геронтофил, педераст, женоненавистник...

– Ты забыла еще добавить некрофилию и сношения с морскими свинками, – мягко добавила я. – Пойдем, ты пьяна.

– Пошла ты! – Леночка яростно пнула ногой юпитер, и тот с ужасающим грохотом повалился на пол. – Что ты можешь понимать! Я люблю его, этого скотского поляка.

– Ты очень странно это демонстрируешь, – не удержалась я от шпильки.

– Не твое дело... У меня была потрясающая карьера, если ты хочешь знать, сам Лагерфельд меня к себе заманивал, такие мужики по мне сохли, не то что этот плюгавый режиссер-ришка... А я все послала к черту, сижу на этой дурацкой студии, и что же...

– Действительно, что?

– Ничего. Ему на меня наплевать.

– Возвращайся к Лагерфельду. А там, глядишь, на Жан-Поля Готье перескочишь. Или Дольче и Раббану...

– Нет... Ничего не получится. Я говорила тебе. Я хочу остаться с *ним*. Мне больше ничего не нужно.

– Успокойся. Хочешь еще коньяка?

– Я хочу *его*. Эту дрянь, этого подонка... Ты даже представить себе не можешь. Еще ни одна женщина так не хотела мужчину.

Это был спорный тезис, я видела женщин, одержимых мужчинами. Я и сама была такой еще так недавно. Как правило, ни к чему хорошему это не приводило. Меня тоже не привело...

– Нужно подождать, может быть, все еще образуется. – Я осторожно взяла Леночку за рукав.

– Ничего не образуется. Ты видишь, как он окучивает эту старуху. Он же от нее не отходит, он влюбился в нее по уши. Я ее ненавижу. Почему она не умерла лет за десять до этих съемок? Ей уже давно пора лежать в фамильном склепе... Когда он касается пальцами этой

лягушачьей кожи, этого черепа, я ее убить готова. И его заодно. Ты даже не представляешь себе, как я хочу это сделать. Я даже боюсь самой себя в такие минуты.

Леночка старательно избегала имени Анджея Братны: произнесенное вслух, оно сковывало ее по рукам и ногам, оно лишало ее воли. «Анджей» – звучит как экзотический пароль; имя, созданное для постели...

– Если так будет продолжаться дальше, я не выдержу, – сказала Леночка обреченным голосом. – У меня и так сейчас не все в порядке с головой, я просто с ума схожу от ревности...

– По-моему, ты действительно сходишь с ума. Какая ревность, старушке семьдесят четыре года.

– Ты не понимаешь! Дело не в возрасте, не в красоте, не в уродстве, не в старости, не в молодости. Он апеллирует совершенно к другим понятиям, он может любить все, что угодно... Он может касаться чего угодно; он может любить вещь так же, как человека, и это будет самая настоящая, самая истинная, самая единственная любовь. Я говорю глупости?

Мне вовсе не казалось, что подвыпившая Леночка говорит глупости: как ни странно, ее мятущееся, безнадежно влюбленное сердце ближе всех подошло к разгадке тайны Братны. Я даже засмеялась от изящества открытия Леночки Ганькевич. Почему эта простая мысль не пришла в голову мне самой? Конечно же, *он любил*. Он был влюблен во все – хоть на секунду, хоть на миг, – но это была истинная любовь. Именно она освещала все то, что делает Братны, тем волшебным внутренним светом. Светом, которым были пронизаны и его картины, и его отношения с людьми. Даже его мелкое и крупное воровство. Даже его вероломство, даже его предательство...

– ...Девки, ау! – Дядя Федор появился, как всегда, внезапно. – А что это вы тут в скромном уединении, совсем оторвались от коллектива. Там без вас все вино выпьют!

Только теперь я заметила, что глаза дяди Федора сияют недобрым огнем: очевидно, попытка поднять подружку главного героя Дашу Костромееву не удалась.

– А где Даша?

– Соскочила с темы, курва! Отчалила в реквизиторский цех вместе с этим козлом вонючим, Вовкой Чернышовым. Входят в роль, твари, работают над образами. Они теперь как два попугая-неразлучника, прям с души воротит.

– Вот и еще одна судьба устроилась, – мстительно сказала Леночка: не только она потерпела фиаско в своих притязаниях.

– О наших этого не скажешь, девочка моя, – с удовольствием переключился на Леночку Бубякин, – твой-то герой тоже со старухой прохлаждается. Видно, достала ты его своими домогательствами. Он куда ни сунется, а ты уже там с задранной юбкой. Женщина не должна быть такой откровенной, это раздражает.

– Пошел ты! – Лексикон пьяной Леночки не отличался особым разнообразием. – Ты сам-то кто такой? Ничтожество.

– Вот как? Гонишь на меня?! А я, между прочим, очень хорошо к тебе отношусь. По ночам не сплю. Я даже стишок про вас с боссом сочинил. Хочешь, прочту?

– Пошел ты...

Но дядя Федор уже не слушал. Он взгромоздился на стоявший неподалеку пуф, шутовски поклонился нам с Леночкой и с выражением начал:

Полночь, старушечьей грудью повисла луна.
Ты меня провожала, я ушел в никуда.
Солнце горбом Квазимодо восстало. И что ж?
Я пришел в никуда, а ты там меня ждешь.

– Господи, какое дерьмо, – поморщилась Леночка, – какое все дерьмо!

– Пойдемте, – устало сказала я. – По-моему, мы все перепили. Пора по домам.

– Слушай ее, крохотуля, – промурлыкал дядя Федор Леночке. – Не будешь слушаться – она тебе по рогам даст. Она тебе печенку отобьет и фасад попортит. Нечем тогда будет твоего принца обольщать.

– Хочешь переспать со мной? – неожиданно спросила Леночка дядю Федора.

– Ева, скажи, пусть она меня в покое оставит, – воззвал ко мне Бубякин, – ненавижу эстеток с покосившегося подиума. У меня на эти торшеры в мини-юбках с двенадцати лет не стоит, у меня от них вся мошонка к коленям опускается.

Оба они обмякли, им надоело пикироваться и говорить друг другу гадости. Я, на правах самой взрослой, самой трезвой и самой рассудительной женщины, подхватила их под руки и потащила к стихающему застолью. По дороге дядя Федор отклеился от нашей скульптурной группы и завалился спать на ящики с аппаратурой. Я уложила бесчувственное тельце Леночки рядом с бесчувственной тушей Сереги Волошко и скептически оглядела пейзаж после битвы. Липкие пятна ликера на ломберных столиках, лужи коньяка на полу, окурки сигарет в шпротных банках. Интересно, какой дурак закусывает ликер шпротами?... Обыкновенный киношный бордель, с уходом Братны все теряет смысл и рассыпается, как карточный домик, Братны – всего лишь иллюзия, тонкая нефтяная пленка высокого искусства, ничего общего не имеющего с реальной жизнью...

Почему все так безобразно напились?

Впрочем, напились не все. Спустя секунду я уловила на себе чей-то пристальный трезвый взгляд. На полу, на скатанном в кольцо кабеле, сунув руки под мышки и скрестив ноги по-турецки, сидел осветитель Келли. Пожалуй, он не так молод, как кажется на первый взгляд, ему не меньше тридцати трех – тридцати пяти, подумала я. Обычно бледное и маловыразительное лицо Келли выражало крайнюю степень удовлетворения: плотно надвинув наушники плеейера, он что-то слушал. У меня была отличная память на лица, но вот Келли я бы не узнала на улице. Должно быть, ему не очень-то везет с женщинами, бедняжке.

– Что слушаете? – спросила я только для того, чтобы что-то спросить.

Келли снял наушники и мечтательно улыбнулся:

– Фрэнк Синатра. «Лунная река». Вам нравится Фрэнк Синатра?

– Да. – Я знала лишь одну песню Синатры – «Нью-Йорк, Нью-Йорк», да и то слышала ее только в исполнении Лайзы Миннелли. Но не огорчать же добродушного кроткого осветителя...

– Хотите арахиса?

Не дожидаясь ответа, он вынул из кармана комбинезона пакетик с орешками и протянул его мне.

– Вы выглядите трезвым, – сказала я.

– Вы тоже. Я вообще не пью. У меня язва.

– Мы с вами – единственные трезвые люди в этом бардаке, – подвела итог я. – Нужно здесь убраться. Вы не можете мне?

– Да, конечно.

Келли поднялся, вынул кассету из плеейера и направился с ней к магнитофону куда-то исчезнувшего вместе с Музой композитора Богомила Стоянова. И сейчас же все пространство павильона наполнилось глуховатым непрофессиональным и обворожительным голосом Фрэнка Синатры. Жаль, что я не слышала этого голоса раньше...

– Вы не возражаете? – запоздало спросил Келли, собирая пустые бутылки со столов.

– Нет, конечно же, нет.

– Многим это не нравится, многие считают его устаревшим, многие предпочитают ничего не помнить. – В голосе Келли вдруг послышалась скрытая угроза.

– Я не знаю, как это может не нравиться. – Я была почти искренней.

Вдвоем мы убрали павильон за полчаса. Разговаривать было совершенно не о чем, хотя мне и понравился Келли: тишайший интеллигент, любитель йогуртов и молочного рисового супа, сканвордов на последней странице иллюстрированных журналов и мемуаров Талейрана – мечта любой библиотечарши без претензий.

– Вы давно работаете на «Мосфильме»? – спросила я, потому что молчать было глупо.

– Не очень. – Он был немногословен.

– Вам нравится кино? – Боже мой, какие глупости я говорю!

– Похоже, что это смысл моей жизни, – равнодушно сказал Келли.

– Почему вас так странно зовут – Келли?

– Это старая история. Такая старая, что я ее даже не помню...

Определенно, мне что-то напоминала эта кличка, это короткое американизированное имя, но вот что – этого я вспомнить не могла...

Нашу милую беседу прервал невесть откуда появившийся второй оператор, белобрысый Антоша Кузьмин.

– Что я вижу! Мужчина и женщина, почти Клод Лелюш, – и такая проза! Убирают бутылки! Дайте заработать несчастным уборщицам! Я домой собираюсь, могу подбросить.

У Кузьмина был раздолбанный старый «москвичок» по кличке «козлоид». Не проходило и дня, чтобы от «козлоида» не отваливалась какая-либо существенная деталь – от генератора до выхлопной трубы. За рулем «козлоида» Антоша был похож на камикадзе, он постоянно влипал в ДТП, и его допотопную колыхагу ненавидели все гаишники Москвы. Из последней серьезной передрыги его вытащил все тот же местный оперуполномоченный божок Братны.

– Я – пас, – так же тихо сказал Келли. – Мне за город, так что компании я вам не составлю. Останусь здесь. Кому-то же надо приглядеть за людьми, пока они проспят.

– А ты, Ева?

– Подожди меня, я сейчас...

* * *

...Всю дорогу Антоша ныл о дороговизне запчастей, о скотстве гаишников, о наглости братвы на «бээмвушках» и навороченных джипах. Кроме того, мы прихватили целый выводок опоздавших на метро растяп: «подкалывать – святое дело для несчастного автолюбителя, ты же не будешь возражать, мать?».

Я не возражала и потому добралась домой только после трех часов ночи: так поздно я еще никогда не возвращалась. Некоторое время я постояла на лестничной клетке в предчувствии скандала: мнительный Серьга может обвинить меня в чем угодно (проституции, нимфомании, грязной случке с водителем потасканного «Запорожца», наплевательском отношении к слепому инвалиду и прочих смертных грехах). И никакими оправданиями насчет первого съемочного дня я не отделаюсь. Набрав побольше воздуха в легкие (он еще понадобится для беспрерывных оправданий в стиле одесского Привоза), я толкнула дверь.

Самым удивительным было то, что никто не встречал меня.

Это было нарушением нами же придуманных правил, и мне это не понравилось. Снимая ботинки, я прислушалась к звукам в квартире.

Серьга с кем-то разговаривал.

Если это очередные варяги с воровскими замашками, потенциальные кандидаты на оставшееся у нас ценное барахло, – я просто не выдержу...

Но то, что я увидела в нашей маленькой комнатухе, поразило меня. С тех пор, как сегодня утром я покинула ее, она волшебным образом преобразилась. Теперь это было не затрапезное прибежище отверженных, а филиал маленькой независимой радиостанции: несколько тяжелых катушечных магнитофонов и записывающая аппаратура более мелкого

калибра, катушки с пленкой, какие-то пудовые справочники, сваленные в одну большую кучу прямо на вытертый ковер; большие, небрежно разлинованные амбарные книги.

Серьга с кем-то доверительно ворковал по телефону. Телефон тоже был новехонький – черный «Панасоник», – о таком Серьга даже мечтать не мог.

– Серьга!..

Не отрываясь от трубки, Серьга приложил палец к губам: тише, не мешай, ты же видишь, я занят... Я уже успела принять ванну, а Серьга все еще разговаривал по телефону. Наконец он положил трубку.

– Прикури мне сигарету, – переводя дух, сказал он.

– Ты же бросил курить...

– Ты же знаешь, что никто и никогда не бросает курить по-настоящему.

Я выбила из пачки две сигареты, и мы с Серьгой закурили.

– Что здесь происходит? Откуда эта аппаратура?

– Как раз сегодня днем смонтировали... Я же говорил, Гошка пристроил меня на работу.

– Секс по телефону?

– Что-то вроде того. Эти несостоявшиеся самоубийцы так тебе мозги оттрахают, что не обрадуешься...

– Самоубийцы?

– Ты совсем заработалась. Я же говорил тебе о кризисном центре, о телефоне доверия для смертничков... Пока ты со своим режиссером развлекалась, они меня поднатаскали, протестировали, провели показательные стрельбы, сказали, что я – парадоксальная акцентуированная личность со склонностью к нестандартным психологическим ходам. С аппаратуркой обращаться научили. А сегодня благословили на подвиги во имя жизни.

– Прости, прости меня... Из головы вон.

– Я знал, что тебе на меня наплевать, – затащил свою извечную волюнку Серьга.

– И как? Уже появились клиенты?

– А то! Такие истории рассказывают – кровь в жилах стынет.

– Что ты говоришь!

– Вот только что беседовал с одной полоумной мамзелькой. У нее трагедия в жизни – не моему сломанному хребту чета. Представь себе, всю жизнь любила одного-единственного мужчину, а он оказался гомосексом. Она с ним развелась, а потом три месяца лежала в клинике неврозов... Вся жизнь псу под хвост.

– Серьезная проблема.

– Это только начало новогодней сказочки. Она нашла себе еще одного, в атлетическом клубе. Мастер спорта по вольной борьбе, гроздя гнева в штанах, подбородок, трицепсы и прочие атрибуты.

– И что?

– А как ты думаешь?

– Неужели и второй оказался с тем же грешком?

– Именно! Правда, на этот раз в клинике она пролежала только полтора месяца. Попрыгала.

– А что теперь? Неужели потеряла веру в человечество? Не очень осмотрительный шаг с ее стороны.

– Потерять-то не потеряла, но зареклась общаться с мужиками, завела себе собаку, пуделка... А он, паскуда, тоже оказался с гнильцой. Она его на случай, а он от сучек шарается, нос воротит. А вот кобелькам под хвост заглядывает... Сечешь поляну?

Я рассмеялась:

– Надеюсь, ты ее утешил.

– Ровно полтора часа с ней нянчился, взопрел весь. Не знал, какие аргументы привести в пользу этой гнусной жизни.

– Но нашел все-таки?

– Конечно. Сказал, что я тоже гомосексуалист. Ты бы слышала, как она смеялась! Пропела мне насчет того, что от судьбы не уйдешь. И что с этим нужно кое-как попытаться выжить. Видишь, как все решается? Просто и со вкусом.

– Слепой гомосексуалист, прикованный к инвалидному креслу, – это очень трогательно, как раз в слезоточиво-абсурдном стиле позднего Жана Жене.²

– Позднего Виктюка, глупая ты женщина!

– Ты действительно парадоксальная личность. Я тобой горжусь. Вот только все эти твои радикальные... Революционные психотерапевтические приемчики. Не слишком ли они циничны?

– Не слишком. Какой уж тут цинизм может быть в моем положении. Наоборот – человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым. А потенциальные самоубийцы – это передовой отряд человечества, разведрот в экстремальной ситуации. Главное – огорошить их, ткнуть по башке, я их до смерти заговорю, ты ж меня знаешь. Я их, подлецов, заставлю жизнь любить.

– Интересно, как отнесется к подобным выкладкам твое начальство? Они вообще тебя как-то отслеживают?

– Отслеживают, щерт их дери, как молодого волка, обложили. Видишь этот аппарат? – Серьга нащупал рукой угрожающего вида электронное устройство. – Когда я принимаю звонки, разговоры записываются, а этот аппарат сразу перегоняет их в главную контору. Что-то типа параллельного прослушивания, еще Гиммлер такими вещами грешил в «третьем рейхе». Так что все под контролем.

– А эти справочники?

– С этим лажа приключилась. Они все время забывают, что я не вижу ни щерта. Вы, говорят, такой жизнелюб, даже и подумать невозможно, что вы в таком положении.

– А ты?

– А я сказал, что мое положение – это еще не повод... И вообще, я собираюсь долго жить.

– Я тебя люблю, Серьга. – Сердце мое сжалось от нежности.

– Ладно, – засмутился Серьга. – А со съемками у тебя что?...

* * *

...Со съемками все обстояло не так гладко, как в первый съемочный день. Что-то нарушилось в стройных представлениях Братны о собственной кинематографической вселенной: он изводил бесконечными дублями актеров и съемочную группу, напрочь вылетел из графика и перестал бриться.

Это была обыкновенная боязнь сделать фильм хуже, чем предыдущий, уж слишком много авансов ему насовали, после такого триумфа первой картины трудно двигаться дальше. Но вскоре он и сам понял это, наглое бесстрашие снова вернулось к нему. В просмотровом зале, где все мы отсматривали первый рабочий материал. Одного беглого взгляда на экран хватило бы, чтобы понять, что это действительно Большой Стил. Мизансцены были безупречны, крупные планы старухи и мальчика – восхитительны. Даже подружка главного героя была на высоте: из милейшей Даши Костромеевой Братны сумел вылепить отчаянную стерву, абсолютное воплощение зла. Я знала, чем закончится эта история: сопляки Чернышов и Костромеева спустя полгода войдут в пятерку лучших молодых актеров страны, а престарелая Татьяна Петровна отхватит «Оскар» на старости лет...

² Французский драматург, автор пьесы «Служанки».

В конце просмотра произошел маленький инцидент: один из дублей был безнадежно загублен появлением в кадре какой-то женщины. Она мелькнула на заднем плане и продержалась там всего лишь несколько секунд, камера быстро спохватилась и ушла на крупный – к лицу главной героини. Дубль был проходным, но Братны впал в ярость: он ненавидел, когда что-либо выходило из-под его контроля.

– Что это за ботва, Серега? – совсем недипломатично спросил Братны у оператора. – Почему в кадре шляются посторонние?

– А я откуда знаю? – вяло оправдывался Волошко. – Я ж за камерой стою, а не по площадке бегаю. После восьми часов глаз замыливается, вовремя среагировать не успеваешь. Сам должен понимать, если такой крутой режиссер...

– Та-ак... – Обломавшись с Волошко, Братны переключился на меня: – Ева, по-моему, ты у нас отвечаешь за актеров. И за то, чтобы всякие рыла не торчали без надобности в кадре и не губили мне великое кино. Если еще раз замечу что-либо подобное, ты у меня из группы вылетишь как пробка...

...Съемки изматывали меня. Меня изматывали мелкие бесконечные поручения, которыми нагружал меня Братны, – он полностью переложил актеров на мои плечи. Но в этом было мое спасение: я напрочь перестала думать о прошлом, я уговорила себя не думать о нем; тени моих мертвецов перестали тревожить меня. Я знала, что это всего лишь иллюзия, отпуск за свой счет, но была бесконечно признательна Братны за эту иллюзию.

Впервые за много месяцев я научилась засыпать без фенотарбита. Как только моя голова касалась подушки, я тотчас же проваливалась в сон, обрамленный по краям ровной строчкой телефонных разговоров Серьги. Он втянулся в эту страшноватую работенку, его собственное увечье преданно защищало психику от возможных потрясений, связанных с другими людьми. Серьга оказался отличным психологом со своим собственным подходом к экстремальной ситуации. Он был слишком весел, слишком беспечен, чтобы общаться с самоубийцами, но часто именно это спасало их от последнего шага. Самым удивительным было то, что у Серьги появились поклонницы из числа несостоявшихся смертниц: брошенных жен, отвергнутых любовниц, учительниц младших классов, сидящих без зарплаты, скрытых жертв изнасилования, девочек-подростков, которых донимали прыщи и одноклассники, ВИЧ-инфицированных и трансвеститок...

Мы редко общались – Серьга с головой ушел в работу, она наполнила его растительное существование новым смыслом. За целый месяц у меня был только один выходной (Братны, который, казалось, никогда не устает, тянул из группы все жилы). А единственный день отдыха мы получили только потому, что у Анджея была назначена встреча с представителями дирекции Каннского фестиваля: те уже хотели заполучить новый, еще не снятый, опус Братны. И этот единственный день блаженного безделья оказался полностью забитым каныгинскими историями. Мне хотелось только одного – хорошенько отоспаться за все дни съемок, но рот у Серьги не закрывался. Я услышала массу путаных потешных историй. Я даже не успевала поразиться их трагичности: кроткая девушка травилась из-за любви к Филиппу Киркорову, кроткий юноша резал вены из-за любви к группе «Кисс», ветерана боев за остров Ханко изводили собственные внуки, и он болтал с Серьгой только для того, чтобы спастись от одиночества... Отчаянный парняга из «новых русских» в пику своей жене изрезал ножницами на лапшу тридцать тысяч долларов... Это была самая обыкновенная жизнь и самая обыкновенная смерть.

Тогда, сидя на кухне с остывшим кофейным напитком из цикория и рассеянно слушая рассказы Серьги, я еще не знала, что через несколько дней столкнусь со смертью совершенно необычной. Смертью, которая положит начало самой безумной, самой бессмысленной цепи преступлений в моей жизни...

* * *

...В тот день Братны заказал сразу две смены в павильоне: мы снимали ключевые эпизоды со старой актрисой. Он торопился: Александрова уже не выдерживала того бешеного ритма съемок, который предложил ей режиссер. Перерывы были сокращены до минимума (Братны необходимо было удержать атмосферу в кадре), но именно в это время старуха стала надолго пропадать. Иногда мы искали ее часами и находили в самых невероятных местах почти в полубессознательном состоянии: она смертельно уставала, это было видно. Ее отпаивали валерьянкой, а неунывающий Вован предложил перевести актрису на легкие наркотики («Ей это будет даже полезно, други мои, – увещевал нас Трапезников. – Во-первых, поддержит слабеющую плоть. А во-вторых, пусть бабулька увидит красочные картины бытия. Может быть, даже какой-нибудь маршал пригрезится на танке «Т-34»). Я возненавидела Трапезникова за эту тираду. Но самым ужасным было то, что и сам Братны стал склоняться к этому варианту допинга. Я даже позволила себе вступить с ним в открытый конфликт, впервые за все время работы.

– Не сходи с ума, Анджей. Ты же убьешь ее этим... Она старый человек и может не выдержать.

– Кто здесь говорит о людях, – никогда еще я не видела Анджея в таком неистовстве. – Здесь нет людей. Здесь есть только детали композиции... Все, что я хочу сказать миру, гораздо важнее самого мира. Неужели ты не понимаешь?

На секунду мне показалось, что я говорю с безумцем.

Безумцами были все они, я видела, что происходит с группой: они все втягивались в орбиту режиссера, к концу первого месяца съемок стали путать реальную жизнь с жизнью, придуманной Братны. Да и сама я стала безумной: иногда я ловила себя на мысли, что хочу остаться в пределах еще не снятого фильма *навсегда*. Это был галантный анатомический театр, образцово-показательная бойня, где Братны с усердием заправского мясника освеживал все человеческие чувства. От этого зрелища невозможно было оторваться, это был допинг посильнее вовановских тяжелых наркотиков. Братны обожал все то, что делает, у него был страстный испепеляющий роман с каждым из актеров, который развивался только в пределах площадки. Синонимами его любви были ненависть и полное безразличие, наплевательство и вероломство. Его любовь разрушала, но я, как и все, поняла это слишком поздно, когда силки были расставлены и неосторожные пернатые пойманы.

Я приходила в себя только дома.

А старуха по-прежнему исчезала в перерывах. Одурманенные колоссальным напряжением съемок ассистенты не могли уследить за ней. И тогда, едва придя в себя и проклиная все на свете, мы отправлялись на поиски.

Однажды я нашла ее в одной из многочисленных костюмерных. Старуха сидела в простенке между летними комбинезонами Второй мировой войны и траченными молью кирасирскими мундирами армии Наполеона – последний привет от эпопеи «Война и мир».

Ее лицо, изуродованное потекшим гримом, было мертвенно-бледным, обтянутые тонкой кожей скулы заострились – мне даже показалось, что она умерла. Только сейчас я заметила, как стремительно она постарела за время съемок: как будто бы прошел не жалкий месяц, а несколько лет. Может быть – несколько десятков лет... Но по-настоящему испугаться я не успела. Александрова открыла глаза и посмотрела на меня.

– Забыла, как вас зовут, – прошелестела она.

– Ева.

– Да-да, Ева...

– Пойдемте, Татьяна Петровна. Пойдемте, вас все ищут.

– Меня все ищут, вот как... Впервые за сорок лет я кому-то нужна. Это, должно быть, приятно. Но... Скажите вашему режиссеру, что я больше не буду играть. Я не могу.

– Я понимаю, вы устали.

– Я боюсь.

Она сказала это неожиданно молодым, почти девчоночьим голосом, как будто хоть этим могла оправдаться в том, чего никогда не совершала. Мне и в голову не могло прийти, что все страхи принадлежат молодым. Даже страх смерти... Но почему я подумала о смерти?... Ничего такого она не произнесла вслух.

– Пойдемте. – Лучшего я придумать не могла, дурацкий попугай-ассистент.

– Вы не понимаете... Я просто чувствую, что будет потом. Я чувствую, что здесь что-то происходит. В мое время... В мое время режиссеры так не работали. Почему он заставляет меня умирать? По-настоящему умирать? Почему он так хочет моей смерти?...

Я с трудом подавила раздражение, внезапно возникшее к упрямой старухе.

– Это обыкновенная работа, Татьяна Петровна. Вы просто давно не имели дела с кино. И возраст, я понимаю.

– Да, я, должно быть, очень старая, – она с радостью ухватила за эту мысль, – вы можете найти кого-нибудь помоложе. Возьмите другого. Возьмите гадину Фаину, я ее видела совсем недавно. Может быть, загоните ее в гроб, как загоняете меня, то-то будет подарок к моему юбилею... Она всегда меня ненавидела, так ненавидела, что загремела с язвой желудка в пятьдесят пятом году. Она была готова на любые подлости, особенно когда мне досталась роль в «Ключах от Кенигсберга»... Вы видели этот фильм? А мужа у нее я все-таки отбила. Был такой красавец генерал-майор Бергман, из поволжских немцев. Начштаба округа. О, это была шумная история, почти Шекспир... Вам нравится Шекспир, деточка? Так эта гадина из принципа осталась на его фамилии. Она и сейчас Бергман, а я-то, наивная, верила, что она уже подохла в каком-нибудь доме призрения... А тут объявляется... Она ведь тоже хотела получить эту роль, старая перечница...

Старая перечница Фаина, какой-то начштаба округа... Старуха бредит, явно нужно сказать Анджею, чтобы он немного ослабил натиск; еще несколько дней съемок такой интенсивности – и мы можем потерять актрису.

Тогда мне удалось вернуть Александрову на площадку. Ничего не значащий разговор забылся, а Братны по-прежнему вытягивал из нее все жилы, с фанатичным упрямством заставляя старуху играть угасание, предчувствие близкого конца.

И вот теперь этот конец, это угасание должно растянуться на две смены подряд: если понадобится, Братны закажет еще одну смену – три, пять смен... И никто не уйдет с площадки прежде, чем самый важный эпизод первой половины фильма – смерть старой женщины – не будет отснят. Братны нужна полная достоверность. Ни секунды не колеблясь, он заставил бы ее умереть по-настоящему, лишь бы достигнуть необходимого ему эффекта...

...К двум часам ночи все – от осветителей до оператора – были совершенно измотаны. Все, кроме Братны: казалось, в нем открылось второе дыхание. Никогда прежде я не видела его таким нестерпимо красивым. Под настойчивое жужжание камеры Александрова уже несколько раз теряла сознание в кадре – и Братны никому не позволил подойти к ней.

Сергея Волошко, серьезно напуганный происходящим, хотел было выключить камеру – и тогда Братны ударил его: по-женски неумело и сильно.

– Снимай, сволочь! Ты должен все зафиксировать, слышишь?

– Да она же сейчас боты завернет, ты что, не видишь? Я на смертоубийство не подписывался! – Нешуточный испуг придал Сергею смелости.

– Ты подписался на кино. Ты профессионал, значит, делай, что тебе положено. Обо всем остальном буду думать я. И отвечать тоже.

– Мне говорили про тебя. Про твои штучки. Я не верил, а надо было поверить... Это не кино, это бойня какая-то...

– *Только это и есть настоящее кино.* Ты понял меня? Снимай! И не вздумай запороть мне последние кадры!

Взмокший, как мышь, Волошко подчинился. Но спустя полчаса мы были вынуждены прерваться. Старухе стало по-настоящему плохо. Ее отвели в гримерку и уложили на старый продавленный диванчик. Я, Анджей и Леночка Ганькевич остались с ней. Я – на правах ассистента по актерам, а Леночка – из чувства почти животной, всепоглощающей ревности. Рядом с Братны она не выносила никого, кроме себя.

Александрова едва дышала.

Братны опустился на колени у изголовья диванчика, взял сморщенную лапку актрисы и прижался к ней всем лицом.

– Я прошу вас, Татьяна Петровна, милая... Вы – самая лучшая. Никто, никто не сделает это блистательнее вас, никто не сыграет достовернее... Вы – актриса, о которой я мечтал всю жизнь... Вы – больше чем актриса. Любой режиссер скажет вам то же самое... Вы лучшее, что может быть в фильме. Без вас он мертв, без вас он ничего не стоит. Я прошу, соберитесь. Осталось всего несколько дублей. Нужно, нужно собраться... Если вы не сделаете этого – вся моя жизнь теряет смысл. И кино теряет смысл... Я прошу вас. Прошу...

– Неужели оставите без внимания такую страстную просьбу? – не выдержав, обратилась Леночка к Александровой. В ее выжженном голосе были угроза и мольба одновременно. Теперь я точно знала, как выглядит ревность.

И эта животная нерассуждающая ревность повела Леночку еще дальше.

– Старая сука, – не сдержавшись, сказала художница севшим от долго скрываемых страстей голосом, – не ломайтесь, старая вы сука!

В комнате повисла тишина.

– Пусть она выйдет... Пусть эта женщина выйдет, – тихо, но почему-то без злобы, сказала Александрова.

Анджей кивнул и поднялся.

– Уходи, – прошептал он и решительно взял Леночку за плечи.

– Не смей орать на меня! Плевать я хотела на твою копеечную работу. И на тебя вместе с ней.

– Пошла вон отсюда, тварь! И не смей появляться, пока я тебе не позволю.

Еще секунда, и Братны ударил бы художницу.

– Хорошо. Я уйду, но ты еще об этом пожалеешь.

– Давай-давай, чтобы духу твоего не было на площадке. Расчет получишь у Кравчука.

Только теперь я заметила, что Александрова с интересом наблюдает за происходящим. Отношения между актрисой и художницей по костюмам не задались с самого начала: возможно, все дело было в том, что молоденькая Леночка была слишком похожа на молоденькую Александрову пятьдесят лет назад. Возможно, все дело было в костюмах, которые Леночка создала специально для Александровой: все они были неуловимо похожи на саван, все они слишком явственно напоминали о смерти...

– Ты пожалеешь, Анджей, – продолжала бессильно угрожать Леночка, не двигаясь с места, – я еще устрою тебе кино.

– Пусть она выйдет, – снова попросила Александрова.

Анджей так толкнул Леночку, что она едва не упала. Плотнo прикрыв дверь за художницей, он повернулся к Александровой:

– Все в порядке, Татьяна Петровна. Она вас больше не побеспокоит.

– Я не хочу ее больше видеть, – запоздало закапризничала старуха.

– Да. Я понял. Больше вы ее не увидите.

– Хорошо. Через двадцать минут я буду готова. – В интонациях актрисы прозвучали повелительные нотки: теперь, когда она интуитивно нащупала стиль общения с неистовым режиссером – этот непритязательный стиль назывался «рабочий шантаж», – она уже могла диктовать условия. Под угрозой срыва съемок Братны стал кротким, как овца. – А теперь, с вашего позволения, я побуду одна.

– Да-да, конечно. Мы подождем вас. – Анджей кивнул мне.

– Анджей, – голос Александровой остановил нас возле самой двери, – не обижайтесь на меня, молодой человек. Я еще не самый тяжелый случай.

– Что вы, что вы, – противно сюсюкнул Братны.

– Я знавала одну примку одного театрала. С кино у нее так и не сложилось... Так вот, эта гадина бросала в своих костюмеров букетами. А ей дарили в основном розы, этот высший генералитет был всегда очень консервативен, он считал, что актрисам нужно дарить только розы. Замечательные розы с замечательными шипами. Мне тоже дарили розы.

– Я учту, – не к месту ляпнул Братны. – Ева зайдет за вами.

– Не стоит, – отрезала старуха, – я же сказала, что приду сама. Через двадцать минут.

Мы вышли, осторожно прикрыв за собой дверь.

– По-моему, кое-кто научился ставить тебя на место, – не удержалась я.

– Не советую тебе этим злоупотреблять и об этом распространяться, – посоветовал мне Братны, выглядевший, как Наполеон после Ватерлоо.

– Да, я в курсе. Расчет всегда можно получить у Кравчука.

– Догадливая девочка.

– Хочешь кофе? – Кофе готовила Леночка Ганькевич. Когда-то я тоже знала несколько рецептов отменного кофе, но теперь предпочитала не вспоминать об этом, так же, как и обо всем остальном. Леночка же приносила кофе ежедневно и на всю группу в нескольких больших термосах. Дядя Федор даже предложил доплачивать художнице за хлопоты.

– Я не пью кофе, – брезгливо сказал Анджей.

...За то время, что нас не было на площадке, съемочная группа разбрелась по павильону, как стадо коров, потерявшее пастуха. У пятачка возле камеры жались только одна дисциплинированная корова, или скорее теленок, – исполнитель главной мужской роли Володя Чернышов. Его присутствие на ночной смене было совершенно необязательным. Но он остался – пока на площадке был Братны, Чернышов не мог уйти никуда. С самого начала съемок он страдал синдромом всех новичков в кино – страстной влюбленностью в режиссера, взявшего его на роль. Это было совсем иное чувство, чем страсть, которую испытывала к Братны Леночка Ганькевич, но не менее сильное. И это чувство не создавало никаких дополнительных проблем. Братны мог приказать Чернышову сделать в кадре все, что угодно, – вскрыть себе вены, выброситься из окна, изнасиловать героиню и всех подруг героини, – и Чернышов сделал бы это. «Испепеляющая страсть всегда безнравственна, иначе она не была бы страстью», – любил шутить Братны по этому поводу. Пожалуй, если бы режиссер захотел, у перспективного, легко внушаемого актера открылись бы стигмы...

...При виде такого наплевательского отношения к делу едва успокоившийся Анджей завелся снова:

– Что же это за подонки, мать твою, ни на кого нельзя положиться! – Он пинком согнал с режиссерского кресла прикорнувшего там второго оператора Антошу Кузьмина.

– Пожалей ребят, Анджей. Вторая смена подряд... Все устали. – Я помогла безответному Антоше подняться.

Кузьмин потирал ушибленный зад, но вступить в открытую полемику с мэтром так и не решился.

– Мне плевать, что все устали. Мне плевать, что все устали, когда речь идет о моем кино. Если через десять минут они не будут на своих местах...

– Они будут на своих местах, ведь ты уже пришел.

– Держи карман шире. Пойду собирать этих болванов.

Анджей исчез тогда, когда к площадке стала подтягиваться группа. Через десять минут большая часть тунеядцев и отступников действительно была в сборе.

Ко мне подседа Ирэн с выражением вселенской скорби на лице.

– Ты не знаешь, кто в гримерке? – спросила она.

– Старуха. Отдыхает, приходит в себя и собирается с силами. А что?

– Я забыла кассету. Оставила прямо на столе. Наконец-то купила «Пурпурную розу Каира»... Лицензионная. Несколько лет за ней гонялась, а когда он был по телевизору, так и не смогла записать... Эта тварь, мой бывший муж... Он бы меня убил. Господи, какая я была дура! Ты видела этот фильм?

– Не имела счастья. – Сейчас начнется та же волынка.

– Ты с ума сошла! Фильм старый, но потрясающий сюжет. – Ирэн вцепилась в меня мертвой хваткой, я была свежачком, не посвященным в интеллектуальные построения Вуди Аллена. – Миа Фарроу, бедняжка, влюбляется в киногероя, это такая тихая страсть... Тихая и испепеляющая, прямо кровь в жилах стынет... И он сходит к ней с экрана, он оживает, боже мой, у меня сердце готово из груди выскочить!.. Это так тонко, так умно...

– Потрясающе, – протянула я: только бы отвязаться.

– И, представляешь, идиотка, забыла ее в гримерке, непростительная глупость... Пере-кладывала вещи и забыла. Сейчас хотела взять, да не тут-то было. Дверь закрыта изнутри... Я, грешным делом, подумала, что эта нимфоманка там с кем-нибудь закрылась... – Под «этой нимфоманкой» Ирэн, как всегда, подразумевала нашу художницу по костюмам.

– Да нет, там только старуха...

– Странно, я же слышала голоса.

Ты уже совсем без башни, лениво подумала я, меньше нужно Вуди Аллена смотреть, где персонажи сидят в креслицах и дискутируют на тему их автора.

– Уведут кассету, – тоскливо сказала Ирэн.

– Что ты! Наши люди потрясают всех своим благородством.

– Ты думаешь?

– Ну да. Ничего с твоей кассетой не случится.

– Может быть, прямо сейчас пойти?

– Старуха просила ее не беспокоить, ты же видишь, что с ней происходит. Не стоит терзать ее, а то раскапризничается еще больше... Лучше потом, во время съемок, иначе Анджеем с нас голову снимет.

...Анджей появился последним.

Теперь все ждали Александрову.

Но она не пришла – ни через двадцать минут, ни через полчаса.

– Старуха решила показать характер, – меланхолично заметил Анджеем, – придется тебе за ней сходить, Ева.

Я отправилась в гримерку. Постояв у двери несколько секунд, я осторожно постучала.

Никакого ответа.

Толкнув дверь, я вошла в комнату. Верхний свет был погашен, ярко освещенным оставался только столик возле зеркала. Так и есть, она перебралась поближе к зеркалам, старая кокетка... Высокая спинка кресла скрывала от меня тело старухи, я видела только паутину тонких волос, опутавших макушку Александровой.

– Татьяна Петровна, – я была сама любезность, не стоит раздражать главных героинь перед их кинематографической смертью, – нас ждут, Татьяна Петровна... Пойдемте.

Он по-прежнему молчала.

Я решила приблизиться и тихонько положила руку на спинку кресла. В створках трех зеркал отразилась полутьма гримерки и ярко освещенное лицо старой актрисы. Два одинаковых застывших профиля (боже мой, почему я раньше не замечала, какой у нее надменный, почти мужской подбородок, Анджею нельзя отказать во вкусе), широко открытые глаза, удивленно приподнятые уголки губ... Удивленно застывшие руки, удивленно застывшие складки платья, так похожего на саван. Слишком много складок, и все для того, чтобы скрыть угасание немощного тела... Да еще шаль, накинутая на плечи. Лучшей мизансцены для последнего кадра и придумать невозможно.

Лучшая мизансцена, лучший кадр, «Оскар», мировая премьера.

Александрова была мертва.

Она мертва, адский ритм съемок загнал старуху, кино закончилось, так и не начавшись, Братны с ума сойдет, разве можно ожидать такое от актера, на которого ты поставил все?

Она мертва. Держи себя в руках, Ева.

У меня еще хватило сил коснуться кончиками пальцев ее лица.

– Татьяна Петровна! – Бессмысленно обращаться к мертвой актрисе, она все равно не услышит...

Я близко придвинулась к ее лицу – нет, это не глубокий обморок, при обмороках черты ее лица сереют и заостряются, я хорошо это помню. Сейчас лицо актрисы было совершенно спокойным. Такое спокойствие приходит только со смертью. От старухи, от ее шали, шел легкий, едва уловимый запах духов, слишком легкий и слишком изысканный, чтобы принадлежать старой женщине, – и это раздавило меня окончательно. Запах появлялся и исчезал, как будто его принесла сама смерть, поцеловав старуху в восковой лоб. Откуда этот запах, боже мой, почему я думаю об этом?...

Нужно все сказать Анджею. Ты должна пойти и все сказать.

Плотно прикрыв дверь гримерки, я, как в тумане, добралась до площадки.

– Ну, что еще? – набросился на меня Братны. – Почему ты одна?

– Можно тебя на минутку? – Почему-то я не хотела, чтобы нас слышали. И почти силой оттащила упирающегося Братны в сторону.

– Где старуха?

– Тише, пожалуйста...

– Ты что мне лепишь? Ты с ума сошла? Где актриса, я тебя спрашиваю?

– Боюсь, у нас крупные неприятности.

– Что еще? Не вздумай сказать мне, что со старухой что-то случилось...

– Случилось, – я понизила голос до шепота, – пойдем, посмотрим.

– Не хочу ничего знать, – лицо режиссера исказила гримаса, – ты ассистент по актерам, и ты отвечаешь за них головой.

– За *это* я не отвечаю. Идем.

...Вдвоем мы вернулись в гримерку. Анджей широко распахнул дверь. Больше всего мне хотелось, чтобы все происшедшее со мной несколько минут назад оказалось наваждением, дурным сном, рабочим материалом еще не снятой картины.

Но все было по-прежнему: маленькие лампы, удачно освещающие старуху, два застывших профиля в боковых зеркалах и неподвижное спокойное лицо между ними.

– Что это? – беспомощно спросил Анджей.

– Она мертва. – Я с трудом заставила себя произнести это. Хотя в гримерке никого не было, мы говорили шепотом.

– Что значит – мертва? – Он непонимающе переводил взгляд с актрисы на меня.

– Это значит, что она умерла. – Я вдруг подумала, что Александровой нужно закрыть глаза: широко открытые, они выглядели почти издевательски: что, голубчик режиссер, съел,

а ведь я предупреждала, я очень капризная старушонка, даже покойные заведомо ЦК это подтвердят...

– Этого не может быть. Она не могла так поступить со мной... Татьяна Петровна... Татьяна Петровна, вы слышите меня? Вставайте же... Вставай же, старая сука!

Сцена, последовавшая за этим, была такой безобразной, что мне пришлось заткнуть уши, чтобы не слышать всего того потока грязных ругательств, которые Анджей вылил на голову мертвой актрисы: сволочь, дрянь, старая потаскуха, хренова отставная генеральша, я так и знал, объегорила, обманула, зарезала без ножа, вы все против меня, весь мир против меня, мать твою, кино, кино, что будет с кино... Ненавижу стариков, нет никого дряннее стариков, дряннее обленевшихся стариков, они всегда манкируют там, где нужно работать, ах, сволочь, мое кино...

Сейчас он ударит ее, – я была почти уверена в этом, сейчас он ударит ее, а она не сможет защититься. Мертвые никогда не могут защитить себя.

– Хватит! – закричала я. – Хватит, прекрати истерику!

Но он замолчал и без моего окрика. Он молчал уже несколько секунд, я просто не заметила этого.

– Ева, – сказал Братны совершенно спокойным, немного севшим голосом, – подойди сюда.

– Ты сумасшедший, – по инерции еще успела закончить фразу я.

– Подойди сюда, Ева... Она не умерла. *Ее убили.*

– Что?!

– Ее убили. Подойди сюда.

Анджей стоял у кресла с мертвой актрисой – должно быть, он действительно собирался ударить ее, встряхнуть, заставить жить.

– Ты видишь?

Он легонько толкнул кресло, оно повернулось, поскрипывая под тяжестью оплывшего мертвого тела: концы шали, которые до этого момента скрывали грудь и плечи актрисы, теперь были откинuty.

А под маленькой ссохшейся грудью (только такой она и должна быть у старой актрисы, блиставшей в фильмах-ревью сорокапятилетней давности) тускло поблескивала рукоять.

Это был профессиональный удар в сердце. Профессиональный и точный, насколько я могла судить. Никакой мелодраматической крови на светло-коричневой ткани платья, никакого намека на разыгравшуюся здесь трагедию.

Вот и еще одно убийство, а я так надеялась, что избавилась от них навсегда... Они преследуют меня, как стая волков замерзшего путника. Именно так: *замерзшего*. Я окоченела от всех тех убийств, которые видела за последний год: огнестрельное оружие, холодное оружие, выстрел в телефонной трубке, снесенные черепа, развороченные головы, от которых осталась только нижняя челюсть с неправильным прикусом... Убивала я, убивали меня, пора смириться с этим. Но как смириться с убийством старой женщины, которой воткнули нож в самое сердце, вяло перекачивающее кровь, – в опустевшую от времени сердечную сумку?...

Из оцепенения меня вывел голос Анджея. Истерика прошла, он смирился с произошедшим и теперь задумчиво смотрел на труп. Потом, изогнувшись всем телом, потянулся вверх, к лампам над столиком, и повернул их под другим углом. Лампы были слишком высоко, кресло с трупом перегораживало проход к ним – клетчатая рубашка Анджея выбилась из брюк, и я увидела плоский, очаровательный, лишенный всякой растительности живот. А Анджей все поправлял и поправлял лампы, выбирая нужный ракурс. Он вполне мог работать осветителем, рядовым осветителем со стажем и очаровательным плоским брюшком пресмыкающегося, скорее всего саламандры, – лакомый кусочек для ассистенток и эпизодниц на излете карьеры, ничего не скажешь.

– Отличный кадр, – медленно произнес он, – отличный кадр.

Теперь рукоять под грудью у актрисы была ярко освещена, стершаяся и старая, захватанная множеством пальцев, вытертая от бездны лет, самый прозаический инструмент сапожника в маленькой будочке на углу: нет, это было мало похоже на нож: у ножей не бывает таких неромантических рукоятей... И почти полное отсутствие крови...

Шило. Скорее всего – шило. Почему я подумала о шиле?

– Отличный кадр, то, что нужно для любого финала, – снова повторил Братны, – жаль, что это не мое кино.

Его мечтательный голос вдруг испугал меня больше, чем труп актрисы.

– Что ты говоришь?

– Если удачно выставить свет... Жаль, что это не мое кино... Бессмысленно переписывать сценарий. Для такого финального кадра нужен совершенно новый. – Еще секунда, и этот фанатик может впасть в безумный созерцательный транс.

Я ударила его по щеке:

– Опомнись! Мы здесь одни с трупом на руках! Приди в себя! Ее убили, и нужно что-то делать. Нужно звонить в милицию, черт возьми!!!

Моя пощечина возымела действие. Анджей пришел в себя.

– «С трупом на руках» звучит несколько цинично, ты не находишь?... Могла бы выбрать что-нибудь более подходящее моменту. Нам ко всем проблемам только ментов здесь и не хватало...

– Я звоню. Чем быстрее они приедут, тем будет лучше для нас для всех. Для всех... Нужно проследить, чтобы никто не ушел с площадки.

– Ты даже это знаешь? По-моему, ты работаешь ассистентом не в том кино, в котором должна. Милицейский сериал подошел бы тебе больше. – Боже мой, у него еще хватает сил на дешевые приколы!..

Я обогнула кресло и взялась было за трубку стоящего на столике телефона. И тут же властная ладонь Братны перехватила мою руку:

– Нет!

– Что значит «нет»? Ты с ума сошел, мы имеем дело не с сердечным приступом, не с солнечным ударом на пляже в Пицунде. Ее убили.

– Не трогай телефон. А вдруг там отпечатки пальцев? Вдруг мы с тобой изгадим все вещественные доказательства?

– Хорошо. Но все равно нужно сообщить...

– Подожди.

– Подождать?

– Ей уже ничем не поможешь, правда? Я хочу, чтобы мы спокойно обо всем поговорили.

– Ты считаешь, что мы можем говорить спокойно, находясь в одной комнате с заколотой неизвестно чем старой женщиной?

– Да, я считаю. – Он почти с нежностью посмотрел на меня. – Я считаю, что мы можем поговорить без излишних эмоций. Все равно того, что произошло, исправить нельзя.

– Я...

– Ты производишь впечатление человека, который в состоянии держать себя в руках, – продолжил Анджей, рассматривая свои ногти. – Если в этой ситуации и можно чему-то порадоваться, так это только тому, что ее нашла ты, а не кто-нибудь другой. Не эта впечатлительная истеричка Ирэн, например... Говорят, что ее на слезу пробивает даже «Бриллиантовая рука».

– Что ты несешь?...

Я во все глаза смотрела на Анджея: этот человек совсем недавно, какой-нибудь час назад, стоял на коленях перед старой актрисой: более сусальной парочки и придумать было невозможно. Час назад он был так же искренен в своем обожании, как и теперь – в своем безразли-

чии. Впрочем, нет, безразличным он не был. Мертвая актриса раздражала его, как неожиданное препятствие, как прорвавшийся фурункул на шее.

И все. И больше никаких проявлений: ни совершенно естественного в этой ситуации испуга, ни растерянности.

– Ты просто дьявол какой-то...

– Ты тоже не производишь впечатления Михаила Архангела и покаявшейся во всех грехах Марии Магдалины. Я чую в тебе двойное дно, а чутье никогда меня не обманывает. И это твое двойное дно выглядит не очень аппетитно. Интересно, что можно там найти, если хорошенько покопаться?

– Если ты решил выяснить это, то сейчас не самое подходящее время, – тихо произнесла я.

– Отчего же? Самое подходящее, чтобы выяснить, на чьей ты стороне.

Братны наконец-то оставил в покое свои ногти. Теперь он пристально смотрел мне в глаза: я уже видела этот взгляд, заставлявший людей делать самые невероятные вещи. Но еще никогда он не смотрел *так* на меня. Его глаза завораживали, как глаза змеи, они меняли цвет, они становились то холодными, то теплыми, они распинали меня и умело водружали терновый венец; они умоляли, они назначали свидание в пластиковом «Макдоналдсе» (чизбургер и яблочный пирог за твой счет, закажи мне то же, что и себе), они назначали свидание в пластиковом мешке для трупов. Смесь обожания и угрозы, преступника и жертвы, ты все равно сделаешь то, что я хочу.

– Я на твоей стороне. – Боже мой, неужели это я – я! – произнесла это? Произнесла на глазах, на остекленевших глазах у трупа, еще час назад бывшего ведущей актрисой ведущего режиссера?...

– Я знал. В конечном итоге все становятся на мою сторону, – он грустно взглянул на кресло, – кроме таких вот прискорбных случаев...

– Что я должна делать? – Неужели я позволю распоряжаться собой после всего того, что произошло?

Позволю, еще как позволю, это не потеющий лесоруб Костик Лапицкий – это глава ордена иезуитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.